

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

ЗАЛОЖНИКИ ПУСТОТЫ

ВИТАЛИЙ АБОЯН

Виталий Эдуардович Абоян
Заложники пустоты
Серия «Анклавы»
Серия «Анклавы Вадима Панова»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5024867

Заложники пустоты / Вадим Панов, Виталий Абоян: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-63036-3

Аннотация

Знаменитый цикл Вадима Панова «Анклавы» продолжается! Катастрофа едва не привела к гибели все человечество, но тех, кто рвется к мировому господству, не останавливают такие мелочи. Они готовы все повторить, и судьбы отдельных людей их нисколько не волнуют. Какое им дело, например, до бывшего военнослужащего внутренних войск Баварского Султаната? Капралу Микмаку довелось убивать, и нельзя сказать, что это занятие ему пришлось по душе. Теперь Микмак зарабатывает продажей «бютена» – артефактов высокоразвитой технологии, которая существовала до злополучного Дня Станции. Откуда Микмаку было знать, что случайная находка в небоскребе, который стал подводным гротом, перевернет не только его жизнь, но и жизнь всего человечества...

Содержание

Пролог	5
1	23
2	39
3	56
4	69
5	78
6	95
7	107
8	119
9	127
10	143
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Виталий Абоян

Заложники пустоты

© Панов В., Абоян В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Сегодня он нырял один. Никто не захотел бы провести целый день без всякой пользы. Хотя там, на дне, много чего интересного, но слишком уж глубоко это самое дно.

Первые две попытки не увенчались успехом.

Он нырял, зажав зубами армированный шланг, который закрепил на борту своей лодки. Ныряльщик всё продумал на случай, если лодка перевернется, к концу шланга привязан довольно большой кусок пенопласта.

Во время первого погружения ныряльщик не стал опускаться на самое дно. В его планах первым делом значилась разведка. Вода казалась кристально чистой, однако впечатление обманчиво – он повернул голову и посмотрел наверх: пляшущие на далекой поверхности моря блики полуденного солнца теряли свою четкость в мутном мареве.

Жаль, что на нормальное оборудование не хватало денег, сколько всего можно было бы поднять имея он хотя бы обычный акваланг. Еще большее сожаление ныряльщик испытывал по поводу отсутствия гидрокостюма – несмотря на то, что в конце апреля вода в Средиземноморье уже неплохо прогревалась, здесь, на глубине нескольких десятков метров, холод пробирал до костей. И не хватало нормального света – обычный, завернутый в целлофановый пакет фонарик сдох в течение первых пяти минут после погружения. Оставался

еще один, но его стоило поберечь для более важного дела.

Да, похоже, обросшие ракушками и мохнатые от разнообразных водорослей холмы это именно то, что он ищет. Стопроцентной уверенности нет, но очень похоже. Теперь дело за малым – опуститься вниз, в холод и мглу, еще на пятнадцать метров и найти... фактически, он собирался, как говорят русские, найти иголку в стоге сена. Причем проблема заключалась еще и в том, что он не знал заранее, как должна эта иголка выглядеть.

Долгие полчаса подъема на поверхность. Спешить нельзя, хотя очень хочется. Три-пять рывков, и он окажется у самой поверхности. Можно будет выплюнуть наполняющий рот вкусом заплесневелой резины шланг и вдохнуть полной грудью свежий морской бриз. Но нельзя поддаваться соблазну – кессонная болезнь не заставит себя ждать, не пройдет и нескольких секунд, как боль в спине скрутит, заставив взвыть. А опускаться вниз для декомпрессии с плохо соображающим пострадавшим ныряльщиком сегодня некому. Еще немного. Суставы слегка ломит, но это не страшно. Нужно забраться в лодку и сделать перерыв. У него есть сэндвичи, как раз можно заняться обедом. А потом – снова в воду.

Второе погружение закончилось неудачей – шланг выскользнул из крепления и свалился в воду. К счастью, ныряльщик еще не успел опуститься достаточно глубоко, поэтому экстренное всплытие не обернулось трагедией.

Нет, так дело не пойдет. Нужно всё поправить и прове-

рять. И только тогда снова нырять.

На ремонт нехитрого оборудования ушло сорок минут. Ныряльщик подергал шланг настолько сильно, насколько позволяла прочность самой трубки. Отлично, а крюк, на котором шланг висит, снимается легко, так что в случае опрокидывания утлого суденышка проблем не будет.

Опустившись на самое дно, ныряльщик аккуратно разгреб руками ил. Мимо проплыла мурена, не обратив на человека внимания. Он здесь чужой, подводные обитатели плевать на него хотели. Хотя акула, наверное, с удовольствием бы полакомилась человечинкой. Но акул, к счастью, здесь нет.

Под илом поверхность тоже густо обросла мелкими острыми ракушками. Достав нож, ныряльщик нетерпеливо отодрал моллюсков, вспугнув недовольно замахавшего клешнями краба. Ничего, сегодня тебя есть не будут, вот и радуйся.

Ныряльщик опустился еще ниже, чтобы получше рассмотреть то, что ему удалось отыскать, но в этот момент жесткий конец шланга натянулся, и неплотно зажатый зубами загубник выскочил изо рта – не хватило длины. На мгновение им завладела паника, ныряльщик вертел головой и в полумраке не мог найти темно-зеленый шланг, сливающийся с окружающим ландшафтом. Вот про цвет он как раз и не подумал! Если он не найдет дыхательную трубку, это погружение, скорее всего, станет для него последним. Даже если успеть подняться на поверхность до того, как легкие

полыхнут огнем боли и заставят вдохнуть холодную соленую воду, кессонная болезнь оставит его инвалидом до конца жизни. Если вообще – оставит в живых.

Ему казалось, что все уже кончено, когда рука наткнулась на скользкий пластик, а в следующее мгновение пальцы, будто бы живущие собственной жизнью, воткнули воняющий резиной конец шланга в рот. Ныряльщик несколько раз конвульсивно вдохнул, выплюнув через клапан соленую воду, и наконец успокоившись, понял, что прошло не более десяти секунд. У страха глаза велики.

Только вот нож он потерял.

Его метания подняли со дна целое облако ила, и видимость пропала окончательно. Чтобы прочесть надпись на пластине, которую он очистил, пришлось выпустить изо рта конец дыхательной трубки – теперь он крепко сжимал её левой рукой, пропустив для надежности между пальцев, – и практически упереться лицом в дно. Да, надпись была подходящей, здесь будет чем поживиться. Наконец он нашел нужное место, это здание, а внутри должно быть много интересного.

Среди водорослей и успевших отрасти за несколько лет кораллов найти то, что нужно, не так-то просто. Сегодня на поиски он потратил не меньше часа, а бывали дни, когда найти не удавалось совсем ничего. Конечности от холода уже совершенно занемели, пальцы рук плохо сгибались, а зубы отбивали чечетку на силиконе загубника.

И тут появилась одна проблема – для того, чтобы добраться до искомого, нужно забраться внутрь. Залезть в длинный, кажущийся в подводной тьме бесконечным, коридор, превратившийся теперь в живописный подводный грот. Даже если бы длины шланга хватило, плавать в подводном лабиринте, цепляясь пластиковым хвостом за каждый угол, просто невозможно. Нужно решаться.

Ныряльщик остановился перед входом. Нужно плыть прямо, чтобы не заблудиться. Можно повернуть, но только один раз. Главное, чтобы все не оказалось зря – место можно запомнить и потом вернуться сюда еще несколько раз, если там есть что-нибудь интересное.

Грудная клетка, сдавленная тяжестью многометрового столба морской воды, мерно вздымалась, насыщая кровь кислородом. Надо надышаться так, чтобы хватило хотя бы на две минуты. Можно успеть. Лучше – на три, тогда он успеет точно. И еще необходимо закрепить конец шланга, чтобы его не пришлось искать – времени на поиски не будет.

Вдох, еще, последний, руки четким быстрым движением привязывают жесткий шланг к поржавевшим за четыре года перилам, проверочный рывок – все держится, узел не ослабился – и, оттолкнувшись изо всех сил ногами, ныряльщик исчезает в темном прямоугольнике входа.

Прямо, еще, еще, вот, кажется, здесь налево. Легкие как будто распирает изнутри, нужно выпустить немного воздуха. Стайка пузырьков весело уносится к потолку. Ныряльщик

достаёт второй заготовленный фонарик – интересно, сколько продержится этот? Хотелось бы подольше, потому что впереди, за поворотом, не видно практически ничего.

Ещё раз налево, здесь дверь. Руки скользят по обросшей слабо колышущимися водорослями ручке. Не заперто.

Руки, что есть сил, дергают за всё, что попадается. Уже очень хочется вдохнуть, а ещё предстоит обратный путь. Только сначала нужно найти хоть что-то полезное.

Фонарик, похоже, скоро закончит жизнь. Не то целлофан негерметичен, не то давление в несколько атмосфер без специальной защиты способны выдерживать только люди. Нужно спешить, без света ничего не найдёшь.

Вдохнуть хотелось настолько сильно, что ныряльщик уже не понимал, отчего перед глазами мельтешат чёрные круги – то ли фонарь гаснет, то ли это проблемы со зрением.

Руки вынимают ящик за ящиком. Ничего примечательного, обычное офисное барахло. Когда этот поросший водорослями и ракушками подводный сад был офисом, ящики двигались куда легче. Сейчас кажется, что вокруг не вода, а мед. Хотя это только кажется. Это от...

Фонарик моргнул дважды и погас навсегда. Ныряльщик в последнем сплосхе неверного электрического света успел заметить, что сзади возвышается что-то, густо обросшее лохмотьями водорослей. Руки заскребли по колышущимся из стороны в сторону зарослям, чтобы быстрее развернуться. Пальцы наткнулись на нечто твердое, на ощупь – явно тех-

нологического происхождения. Ныряльщик уже ни о чем не думал – очень хотелось вдохнуть, он просто машинально рванул этот странный выступ, и тот легко оторвался, оставшись в руке.

Перед глазами что-то замелькало. Вспыхнуло несколько раз, на мгновение осветив темноту офиса, и оставило тьму в покое. Или это мерещится от недостатка кислорода?

Нужно выбираться. Быстро, очень быстро, потому что рот, конвульсивно сокращаясь в непреодолимой жажде вдоха, уже тянет внутрь прохладную жидкость. Пока удастся удержаться от того, чтобы не заглотить порцию соленой воды, но силы на исходе.

Поворот, впереди уже виден сумрачный свет. Еще чуть-чуть. Замерзшие конечности наливаются тяжестью, словно внутрь каждой руки запахнули по свинцовой болванке, а ноги будто прикованы ко дну. Еще несколько метров.

Снаружи свет кажется слепяще ярким, хотя здесь, на глубине, в мареве поднятого им со дна ила царит синеватая мгла. Не важно, где шланг?

Глаза уже ничего не видят, но руки помнят. Рот хватает загубник, легкие жадно заглатывают порцию холодного затхлого воздуха вместе с просочившейся влагой. Ныряльщик закашливается, но теперь не страшно, теперь воздух в руках.

И именно в этот момент грянул гром. Вода вздрогнула, а со дна мимолетной судорогой подняло новое облачко ила. Потом ударило еще и еще, словно молотом по колоколу, если

сидеть внутри него.

Всплывать нужно медленно, но получится ли? Нужно постараться.

Нырлящик посмотрел на предмет, зажатый в правой руке – маленький черный цилиндрик, похожий на электронный гаджет. Ерунда какая-то, но, может, и удастся продать.

Он бежал, что есть сил. Даже, наверное, быстрее. Угрозило же согласиться.

А казалось, задача выведенного яйца не стоит. Когда к нему подвалил какой-то хрыч – ну, забулдыга чистой воды, кто б мог подумать, что так все обернется? – и предложил поучаствовать в деле, сомнения долго не терзали. Какие могут быть сомнения при виде такого количества наличности? Столько денег – настоящих бумажных денег, а не циферок на электронном счете – он разом никогда не видел. Ну, там, в кино или в новостях, когда полицейскую хронику показывали, конечно, видел. Но чтобы живьем, своими, так сказать, собственными глазами... Тем более что всё это богатство ему предлагалось забрать с собой вот прямо сейчас.

Нет, разумеется, отказаться он не мог. Не поняли бы его. Ни мать, которая пилила больше всех, что он, дурень, не может заработать даже на корм её идиотской собачонке; ни жена, которая давно с ним не спит, потому что, по её мнению, муж у неё неудачник. Она спала с Фаридом, держащим мясную лавку в двух кварталах от их дома, он прекрасно знал это. Да вообще – все это знали.

Так что, когда немытые пальцы коснулись аккуратненьких ровных пачек по сто тысячеевродиновых бумажек в каждой, оторваться от такого сокровища было уже никак невозможно. Это был шанс. Первый и последний в жизни – забыть про собачек и мясников, убраться отсюда и зажечь нормальной жизнью. Куда убраться и как именно зажечь, в тот момент он не задумывался. А сейчас желание подумать об этом возникало, но совершенно не было времени. Очень уж велика перспектива распрощаться с собачками и мясниками навсегда, так никуда и не уехав.

Впереди стена. Невысокая, метра три всего. Поверхность шероховатая. Давай же, с разбега!

Пальцы скребут по бетону, оставляя кровавые полосы и белые кусочки сорванных ногтей.

А ты и не знал, что люди способны на такое, ведь так?

Знал, не знал – какая разница? Наверное, знал. И тот хмырь, что выдал ему эти злосчастные пачки евродинов, скорее всего, тоже знал. Иначе не подвалил бы к нему, другого кого-нибудь выбрал бы.

На миг в памяти ожила картинка из прошлого – яркое солнце, бьющее прямо в глаза, игриво выглядывает из-за скалы, на которой он висит, вцепившись в теплый шероховатый камень пальцами левой руки. И никаких страховок. Страховки – это для неудачников. А его жена – тогда она еще не была женой – стоит на утесе в пяти метрах под ним и смеется. Радуетса жизни. Тепло, весело, классно. Тогда не

было никакой Станции, никаких мясников, и маме в голову не могло прийти завести мерзопакостного французского бульдога. Но всё течет, всё изменяется.

Пули вошли в забор рядом с коленкой с сочным уханьем и треском крошащегося бетона. Не останавливаться, главное – ни секунды промедления. Следующая пуля найдет цель.

Только куда дальше? Пальцы, не чувствуя боли, мертвой хваткой впились в край забора. Один рывок, и будешь наверху. Но дальше пути нет – сверху забор украшали густые мотки сверкающей в свете прожекторов проволоки. По ней наверняка пропустили ток, попробуй прикоснуться, и превратишься в жаркое.

Вместе с деньгами ему выдали пластиковый пропуск и маленькую черную палочку. Даже – штырёк. Рассказали, куда прийти, что сказать, кому показать пропуск и в какую щель сунуть пластиковую карточку. На входе у них стоит стационарный наноскоп, но чувствительный прибор ничего подозрительного в черном штырьке, который на всякий случай спрятан за подкладку пиджака, не обнаружил. Или наноскоп обнаружил, но охранник не обратил внимания?

Не важно. Теперь не важно.

Не то охранник все же опомнился, не то пропуск действовал только в одном направлении, но факт оставался фактом – когда он попытался убраться из огромного ангара, вонзив в прорезь детектора выданную заказчиками карточку,

к нему подошел охранник и очень вежливо предложил пройти с ним. Идти никак не следовало, об этом разве что не было написано крупной арабской вязью на лбу вежливого охранника, и он побежал. Так, как не бегал никогда раньше.

Ловким движением удалось протиснуться между довольно плотными кольцами проволоки, не зацепив ее. На радостях он едва не свалился с забора, снаружи высота почему-то была намного больше – метров пятнадцать, а то и все двадцать. Сердце бешено заколотилось в груди, а до этого момента оно словно бы замерло, боясь получить разряд электрического тока. Куда теперь?

Он всегда был парнем смышленным. Просто не повезло в жизни. В тот день многим не повезло – когда случилась авария на Станции, и весь мир полетел в тартарары. А ведь мог подняться до капера. Но не судьба.

Он быстро нашел то, о чем говорил человек, лица которого он так и не увидел. Только пухлые, лениво шевелящиеся под укороченной наномаской губы.

Черный штырёк подошел, будто для этого его и смастерили. Надо думать, так оно и было. Дело сделано, осталось выйти. Вот тут и начались проблемы.

Впереди, метрах в пяти-семи, стоял огромный щит с крупными, в человеческий рост буквами: «ESA», и что-то еще мелко. Там, внизу, прямо под буквами, виднелась покрытая пятнами коррозии перекладина. Если допрыгнуть до нее, можно затормозиться, схватившись за неё руками, а по-

том до земли уже не так страшно. Главное не сломать ногу, тогда бежать не удастся.

Он оттолкнулся изо всех сил и, вытянув вперед руки, прыгнул. Расчет оказался верен, всё получилось бы. Если бы не очередь, выпущенная из «ревуна» на вышке справа.

Руки попали точно в перекладину, только схватиться им уже было не суждено: мертвое тело, перевернувшись от удара о нижнюю кромку вывески с буквами, с неприятным влажным звуком упало в аккуратно подстриженную возле забора траву.

Нейлоновая сеть с тихим плеском медленно исчезала под водой, оставляя на поверхности разлетающуюся в стороны мелкую рябь. Потертый белесый буй, приспособленный из видавшей виды пластиковой канистры, с глухим стуком перевалился через борт и плюхнулся в море. Сегодня улов должен быть хорошим, и не только сеть поможет в этом.

– Поднажми! – крикнул капитан четверке отъявленных лентяев, которых его угораздило сегодня посадить на весла. Денег платить этим нищелюдам капитан не собирался, обойдутся пайком из того, что не подойдет для рынка.

В невысокой надстройке маленького рыбацкого баркаса лежал брикет взрывчатки, который капитан нашел на берегу. Не то военные обронили, не то вынесло море. Оно теперь много разных сюрпризов приносит, правда, с каждым годом все меньше и меньше.

Свой баркас он тоже нашел на берегу. Через месяц после

того, как рвануло на Станции, и Марсель со всеми жителями и небоскребами, полными верхолазов, торжественно отчалил от берегов Европейского Исламского Союза и скрылся в соленых водах Средиземноморья.

Тогда многие боялись появляться здесь. Даже спасатели особенно не лезли на берег – французская атомная станция, что работала раньше недалеко от Женевы, говорят, рванула от души, и кто его знает, что несли в море потоки мутной дождевой воды. Наверное, ничего хорошего не несли.

Но он плевать хотел на рассказы о радиации, он привык не обращать внимания на то, что не мог самостоятельно осмотреть или пощупать. Он и еще несколько парней из их городка провели тогда на побережье пару недель. И не проиграли – баркас валялся на брюхе почти целый. Небольшой ремонт, и судно уже четвертый год исправно помогает добывать дары моря. Выживать помогает. А радиация – так кто её видел? Ничего от неё капитану не сделалось.

– Давайте, лентяи, отрабатывайте ужин! – гаркнул он на гребцов и раскурил коптящую самокрутку. – Напрягитесь или рыба уйдет от нас.

– Мы... – отдуваясь, начал один из гребцов, но тут же прикусил язык, заметив суровый взгляд капитана.

– Пасть закрой, а то станешь наживкой.

Конечно, бросать это отребье за борт он не собирался. Только на самом деле они хорошо понимали, что такие нищebroды никому не нужны. Их никто не хватится, а если

и хватится, то ничего не добьется.

Баркас медленно тащился по дуге, оставляя за собой нитку разношерстных буев. По правому борту, метрах в ста пятидесяти, кружили чайки. Много чаек, они то и дело падали в воду, выныривая с рыбешкой в клюве. Там крутилась стая сардин, судя по всему – большая стая. Если знать, куда смотреть, можно заметить глянцевые спины тунцов, что прибыли на этот пир снизу, из морских глубин. А по воде добирались люди. Скорости не хватает – если бы можно было запустить двигатель... Это если бы на баркасе вообще был двигатель – за отсутствием нормальных батарей Ллейтона его давно сняли, чтобы освободить в трюме место для улова. Да и этому отребью грести все ж легче.

Если бы был двигатель, можно было бы поймать столько сардин, что не влезли бы в увеличенный трюм. А так, на веслах – рыба до горизонта успеет добраться, пока они доплывут до стаи.

– Давайте, еще немного, – скорее для себя пробормотал капитан.

Откуда-то слева донесся грохот. Раскатистый, сотрясающий воздух, словно удар далекого грома. Шторм? Капитан повернул голову и всмотрелся в горизонт, недовольно сморщив губы. Если грохотать не перестанет, то сардин не видать, как своих ушей – рыба, напуганная звуком, уплывет в противоположном от сетей направлении.

Далеко, почти у самого горизонта на темной подернутой

легким волнением морской глади появилось несколько темных точек. И одна точка побольше. Собственно, не точка, а жирная черта, которая довольно резво увеличивалась в размере.

Капитан поднес к глазам бинокль с треснувшей линзой в правом окуляре – тоже подарок Посейдона, – но большой необходимости в этом уже не было. И так ясно, что пожаловали военные. Чего им здесь надо? Не иначе объединенный флот родного Исламского Союза решил устроить показательные маневры, чтобы отщепенцам из Северной Африки неповадно было.

Громыкнуло еще раз. И еще. Теперь капитан явственно ощутил, как сотрясается воздух. Куда они стреляют? Сошкурив правый глаз, рыбак внимательно рассматривал происходящее.

Огромный крейсер палил изо всех пушек. Причем палил он, как померещилось капитану, в направлении более мелких кораблей своей же эскадры. Или это только так показалось? Слабое подозрение, что те корабли совсем не свои, появилось и тут же исчезло – очень неправдоподобная версия: нападение на огромный крейсер флота ЕИС прямо у родных берегов.

Пушки выплюнули очередную порцию огня и дыма, а через пару секунд воздух вокруг вздрогнул, по воде пошла рябь. Всё, сардины рванули в другую сторону.

Капитан краем глаза успел заметить, что один из кораб-

лей сопровождения полыхнул короткой яркой вспышкой, но теперь рыбаку стало не до средиземноморской эскадры. Он поджёг запальный шнур, самодельный – главное, чтобы не сгорел быстрее, чем надо, а то сардин ловить будет некому, – и, как мог далеко, бросил взрывчатку в сторону бурлящей в воде стаи. Эх, не добросить, был бы мотор...

Небольшой продолговатый брикет шлепнулся в воду, легкий дымок возвещал о том, что с запальным шнуром все в порядке, он продолжает гореть.

– Стоп машина, – крикнул капитан гребцам и добавил, что есть сил вращая штурвал: – Разворачивай посудину правым бортом!

Гребцы налегли на весла – вот тут они работали на совесть: подорваться на собственной взрывчатке никому не хотелось. Баркас неспешно сбавлял ход, забирая носом влево.

По правому борту ухнуло, и вода поднялась, тяжелым ленивым фонтаном опадая обратно в море. Капитан потряс головой – заложило уши – и посмотрел на дело рук своих. Горстка рыбешек и несколько чаек, сбитых взрывной волной, плавали во все еще беспокойной воде. Промелькнула спина тунца, двигается медленно – видно рыба жива, но её оглушило. Нужно быстрее тянуть сеть, чтобы собрать все, что можно. Как некстати приперлись вояки со своими маневрами!

– Активней налегай на весла, активней!

Капитан снова взглянул сквозь единственный окуляр би-

нокля на крейсер. И обмер – огромная серая туша корабля медленно заваливалась на левый борт, не прекращая при этом постреливать из оказавшихся теперь сбоку орудий. Были явственно видны сыплющиеся в воду черные точки: люди прыгали за борт в надежде спастись.

А потом всё произошло очень быстро. Почти мгновенно. Вытянутый, обтекаемый, словно бок дельфина, борт крейсера вдруг вздулся, а потом его разорвало изнутри. Когда спустя полминуты дым рассеялся, крейсера больше не было. Только вспененная вода продолжала бурлить, выбрасывая на поверхность тела моряков.

Не отрывая глаз от окуляра бинокля, капитан нащупал рукоять топора.

– Да и хрен с ней, с этой рыбой, – пробормотал он, перерубая канат сети.

С третьего удара канат лопнул, обрубок скользнул за борт, оставляя сети с поплавками-канистрами полную свободу действий. «Сеть жалко, только себя жальче», – подумал капитан. Да уж, со взрывчаткой он как-то совсем не вовремя подсуетился.

– Разворачиваемся правым бортом, и домой. На полном ходу!

Один из гребцов – грязный детина с нечесаной бородой – что-то прокряхтел в ответ. Выражал недовольство. Мол, улов-то где?

Бунт на борту? Капитан достал из-за пояса «дыродел», пе-

редернул затвор и направил ствол в лицо нищebroду. Откуда тому знать, что внутри нет ни одного патрона.

– Греби, давай! Или рыбам на корм захотел?

Мужик бросил на капитана полный ненависти взгляд и положил руки на весло.

– Так-то лучше. Или у кого-то здесь есть желание отправиться на беседу к воякам?

Послышался плеск весел о воду. К воякам никто не хотел, все понимали, что разговор будет коротким.

1

Палец с ритмичностью метронома ударял по клавише, страницы на экране сменяли друг друга. Участки кода, не складывающегося ни во что осмысленное, скорее всего, являются ни на что не годными наработками машинистов корпорации. Скукота.

Микмак с удовольствием зевнул, забрызгав экран компьютера маленькими точечками слюны, и выключил машину. Все хотят найти клад. Не золото пиратов, оставшееся еще с дикого Средневековья, а настоящий клад. В информационный век нетрудно догадаться, что окажется кладом наиболее ценным. Разумеется, информация.

На этом носителе информации было хоть отбавляй, правда, особой ценности она не представляла. Все мечтали найти читаемый, не отформатированный SSD-накопитель, снятый с банковской машины. Тот, на которых хранили данные по счетам клиентов. Шансов отыскать подобное богатство немного – все банковские компьютеры, конечно же, объединены в сеть, и активы без особых проблем успели перекочевать на другие серверы, разбросанные по всему миру. Да и Марсель рухнул в море не за пару секунд, так что времени у автоматических систем сохранения информации было предостаточно.

Но упорные слухи о том, что практически все банки об-

ладают носителями с данными счетов VIP-клиентов на отдельном выделенном сервере, который не имеет непрерывного доступа в сеть, будоражили умы кладоискателей вот уже четвертый год. Если бы только найти такой SSD... Вряд ли «випы» хранили в банках по паре евродинов, а обладая ключами к пропавшим счетам, легко сделать эти счета своими.

Пока вроде бы никто не сорвал куш. И сегодня Микмак не стал исключением – то барахло, что принес ему Искандер, ни на что не было годно. SSD удалось восстановить, почти две трети информации Микмак прочел. Но сама информация оказалась совершенно бесполезной. Разве что можно поупражняться в программировании, изучив наброски корпоративных машинистов.

– Опять пустышка? – проскрипел Старик Ромеро.

На самом деле Ромеро не был стариком, ему едва исполнилось пятьдесят, но его все так называли. Ромеро, видимо, нравилось, и он с удовольствием поддерживал имидж – создающая впечатление стариковской неряшливости неизменная седая щетина на покрытом морщинами, словно иссушенном солнцем и соленым морским бризом лице, какое-то непонятное тряпье, в которое Ромеро постоянно рядился. И, самое главное, скрипучий, будто заржавевший голос. Микмак знал, что Старик скрипит специально. А может, настолько привык делать вид, что по-другому разговаривать уже не получалось.

– Угу, – промычал Микмак. – Но носитель рабочий.

Ромеро хмыкнул и поменял местами ноги, которые крест-накрест сложил на выдавшем виды столе. Наверное, Старик сожалел, что у него нет сапог со шпорами – они бы внесли последний штрих в его любимый образ крутого ковбоя.

– Хочешь продать ребятам, что компьютеры для «минусов» собирают?

– Хотя бы, – пожал плечами Микмак.

Можно, конечно, попробовать продать сам код – зачем-то же его писали. Не исключено, этими потерянными исходниками могли заинтересоваться те, кто четыре года назад работал над какой-то неведомой Микмаку технологией. Вот только, скорее всего, заинтересованные лица ныне покоились недалеко от того места, где Искандер нашел SSD. Точнее, предводитель водолазов припер ни на что не годный системный блок целиком. Это ж надо таким болваном быть, чтобы тащить со дна подобную тяжесть!

Микмак еще раз зевнул и потер лоб чуть выше линии роста темно-русых, стриженных не столь уж коротким «ежиком», волос. Голова не чесалась, просто он всегда так делал, когда о чем-то задумывался – дурная привычка. А сейчас он думал о том, почему ему всегда хочется спать. Даже тогда, когда вставал ближе к полудню, хоть такое случалось и нечасто. Сны – вот, что ему мешало. Он не просыпался, но, как будто и не спал. Он словно переживал события двухлетней давности заново, раз за разом.

Дело было в Праге. В те времена Микмак служил обыч-

ным капралом во внутренних войсках Баварского Султаната. Нормальной работы не было, а пушечного мяса на внутреннем фронте начавшего трещать по швам Султаната не хватало, поэтому брали туда почти всех. Выбор был небольшой: влачить жалкое существование в нищете или пойти во внутренние войска. Микмак выбрал второй вариант. И через полгода относительно спокойной службы попал он на зачистку столицы чешского эмирата от взбунтовавшихся радикальных суннитов, пропагандирующих экстремистские и сепаратистские настроения.

...Манесов мост они миновали на удивление быстро и легко. Ни одного выстрела, словно все сепаратисты мигом передумали отделяться от Баварского султаната и сделались лояльными гражданами. Слишком тихо, это настораживало.

За мостом они разделились. Микмак со своим взводом пошел в сторону Староместской площади по Капрова. Остальные двинулись по Широкой до Везеньской, где по оперативным сведениям окопался штаб сепаратистов. В штаб на Везеньской Микмак не верил, но не его это дело – решать, по какому маршруту двигаться. Тем более что ему было велено зачистить центр и на Везеньску соваться не пришлось бы.

Для центра города тишина стояла необыкновенная. Нет, звуки были – шорох осколков стекла под ногами, приглушенные рядами домов звуки боя, всё еще идущего где-то в Градчанах. Даже птицы, кажется, щебетали. Но не было слышно

человеческих звуков, и от этого становилось не по себе: ты в городе – месте обитания людей, а самих людей не слышно.

Спокойствие расхолаживает. Метров сто ползли еле-еле, дергаясь от каждого шороха и наводя прицел на всё, что двигалось или потенциально могло начать двигаться. Потом поняли, что в этом районе никого нет. Похоже, что даже местные ушли. Или нет – не ушли, просто затихли. Правильно сделали, что затихли.

– Неравный бой ведут бойцы доблестной армии султана на улицах Праги, очищая город от скверны. Сотни тысяч ни в чем не повинных мирных жителей, попавших в западню суннитских ублюдков, ждут помощи...

Микмак прижался спиной к теплой штукатурке, слушая голос, доносившийся из разбитого окна на первом этаже. Человеческая речь вселяла веру в жизнь, хоть это и был голос диктора новостного канала – в квартире включился коммуникатор. Возможно, его не выключили жильцы, когда спешно покидали свой дом, а теперь здесь дали электричество, и он включился. Просто так электричество в район зачистки подавать никто не станет – значит, зачем-то это понадобилось руководству.

Микмак осторожно выглянул из-за откоса окна. Сначала ствол автоматической винтовки – изображение в небольшом окошечке на глазных наноэкранах показывало картинку и мечущееся по ней перекрестье целеуказателя, – потом уже посмотреть глазами. Целеуказатель метнулся в правый ниж-

ний угол поля зрения и замер неподвижно. Микмак прищурился – «балалайка» автоматически увеличила область интереса в окошке – и напряг слух. Сквозь бормотание новостного ведущего пробивалось тихое хмыканье.

Так и есть – девчонка. Молодая совсем, лет четырнадцать-пятнадцать, темноволосая, черноглазая, вся зареванная. Зарылась в какое-то тряпье на диване, боится.

– Эй! – негромко позвал Микмак.

Девчонка на секунду подняла глаза, и Микмак увидел страх, поселившийся в них.

– Не бойся, здесь свои. Бандитов уже выкурили отсюда.

Девчонка, не сводя с Микмака мокрых от слез глаз, кивнула. Бойцу даже показалось, что губы тронула едва заметная улыбка. А в следующее мгновение...

Наверное, сказался боевой опыт. Немного его было, этого опыта, но, сколько было – весь его. Микмак не увидел, скорее, почувствовал движение. Не то движение, такого не должно было быть в этом месте. Чисто машинально он вскинул винтовку, уперев приклад в плечо, а дальше сработала автоматика в «балалайке». Оставалось только нажать курок. Микмак медлить не стал – потому что не успел подумать. И поэтому остался жив.

Пуля разmozжила девчонке голову, украсив бежевую стену за её спиной отвратительной багряной кляксой. Из её рук выпал «дыродел», стукнув металлом о пластик пола.

Выстрела было два – девчонка промахнулась. Скорее все-

го потому, что стреляла уже после смерти.

Микмак замер, потеряв ориентацию.

Ты же только что убил мирного жителя. Девчонку ты убил, ребенка совсем!

Из окна раздавались выстрелы, кто-то кричал. Микмак несколько раз куда-то целился, но целеуказатель (хвала небесам) так ни разу и не остановился, не найдя что-нибудь живое. А коммуникатор продолжал рассказ о доблестном походе воинов султана.

– Молодец. – Лейтенант похлопал Микмака по плечу. – Их здесь было шестеро. Если бы ты не заметил... Сейчас лежали бы на булыжнике с простреленными спинами.

Сепаратисты. И дети – тоже сепаратисты. Так сказал лейтенант, он, вроде бы, проверил «балалайки» убитых – у всех была найдена провокационная литература.

Лейтенант на секунду замер, потом махнул рукой, указав куда-то на север.

– Планы поменялись, – сообщил он. – Двигаемся на север, к Староновой синагоге. Пойдем через кладбище, там лучше видимость.

Бойцы трусцой побежали назад, метров через пятьдесят повернули направо, скрывшись между деревьями. Микмак бежал вместе со всеми. Мыслей не было, рациональное в голове отключилось, уступив место автоматизму, доверяющему только данным «балалайки» и собственным инстинктам. Нельзя даже сказать, что было страшно – стало все равно,

безразлично.

Еврейское кладбище оказалось странным местом – повсюду, насколько хватало глаз, торчали или валялись на земле камни, старые, поросшие мхом, исписанные неведомыми словами на неведомом языке. И почему-то здесь сильно, просто удушающе воняло дерьмом.

– Что делать будем? – спросил Микмак Старика, еще несколько раз со скрежетом потерев ногтями лоб. Боль от царапин согнала навалившиеся воспоминания о сегодняшнем сне.

Ромеро был боссом в их предприятии. Собственно, он и организовал контору. Нашел Искандера с его водолазами, взял Микмака. Но самое главное, Старик умел находить клиентов. Здесь, в новоиспеченной Марсельской бухте, «бю-тен», как называли усеявшие дно останки бывшего Анклава, в прямом смысле валялся под ногами. Даже без специального подводного оборудования можно было найти многое. Не сейчас, четыре года назад – нынче на отмелях давно уже выгребли все более или менее ценное. Но куда девать такое «богатство», знали немногие. Не в пример Ромеро.

Старик, не опуская ног, порывлся в ящике стола – должно быть, жутко неудобно, но образ не позволял поменять позы, – вытащил оттуда толстую и корявую сигару, откусил от неё зубами кончик и смачно сплюнул его на пол. Небольшой корявенький кругляшок цвета дерьма, залитый слюной Ромеро, неловко расположился точно по центру ха-

лупы, которую Старик упорно именовал офисом. Потом он раскурил сигару. Офис наполнился гадостным едким дымом.

Микмак поморщился и встал, чтобы открыть окно. Ромеро жестом велел сесть на место.

Интересно, зачем он курит эту дрянь? В ней же точно нет ни грамма табака, а из чего делают так называемые сигары местные китайцы, не знает, наверное, и сам Ромеро. И окно не дает открыть.

– Не надо привлекать внимание улицы, – объяснил свою выходку Ромеро.

Да, людской молвы он боялся, как черт ладана. Поэтому они до сих пор ютились в покосившейся лачуге на берегу, хотя давно уже могли снять нормальный офис в Марсель-нуво. Незачем людям знать, что у ребят Ромеро – именно так он всегда и называл их предприятие – водятся деньги.

– Железки, которые Искандер притащил два дня назад, ребята нашли в том же месте, что и этот твой... – Он покрутил пальцем, направив его на прицепленный к компьютеру твердотельный накопитель.

– SSD?

– Да, эсэсдэ. Солидные люди выразили интерес к этому «бютену». Возможно, они возьмут и эсэсдэ – заплатят больше твоих любителей конструкторов «Сделай сам».

– Из Марселя-нуво?

– Кто?

– Солидные люди.

Ромеро хмыкнул и сплюнул мутную коричневатую слюну на пол. Он опустил ноги и подвинулся на стуле, чтобы удобней было сидеть, но ответить не успел – его скрутил приступ конвульсивного кашля.

– Китайские сигары не доведут тебя до добра, – сказал Микмак и, резко поднявшись, распахнул окно. Пускай Старик рассуждает о том, что людям знать нужно, а что нет, ему всё равно, потому что дышать этой дрянью Микмак больше не собирался. В лицо ударил свежий ветер, несущий со стороны моря ароматы соли, рыбы и гниющих под весенним солнцем водорослей. Так-то лучше.

– В Марселе-нуво нет солидных людей, – наконец откашлявшись, сказал Старик. После приступа его голос стал еще более скрипучим, а вечно прищуренные глаза превратились в совершенно неразличимые щелочки: две глубокие морщины по бокам от носа, а не глаза. – Это большая бестолковая деревня, а не Анклав.

Микмак давно хотел спросить, где находит покупателей «бютена» Ромеро, но не спрашивал – и так ясно, Старик не ответит.

Марсель-нуво образовался на месте развалин северной окраины бывшего Марсея – настоящего Анклава, – которая не утонула в море, но почти полностью разрушена землетрясением. Этот псевдоанклав на самом деле был даже не деревней. Больше всего эта мешанина магазинчиков, лавочек

и обитающего в развалинах многочисленного жулья походила на огромный блошинный рынок, который ради удобства жить рядом с работой осваивали как продавцы, так и покупатели. Двумя факторами, способствующими развитию нового «анклава», были частично сохранившиеся транспортные магистрали – а транспортный узел старого Марсея находился как раз в оставшейся на берегу северной части, – и, конечно же, «бютен».

– Ты им саму эту штуку не показывай, – продолжал увещевать Ромеро. Перепиши на компьютер то, что, на твой взгляд, может показаться им интересным, и там покажи. Но ничего действительно важного. Понял?

Микмак кивнул. Он и сам уже подумал об этом. Если «солидные люди» знают, что покупают, они поймут, о чем идет речь по корпоративным меткам в программах. Вот именно их он и покажет потенциальным покупателям.

Рука сама потянулась к носителю и выдернула провод из блока, считывающего с SSD данные. Безопасность превыше всего, действия доведены до автоматизма.

Микмак поднял зажатый в пальцах темно-серый брикетик SSD и вопросительно вскинул брови.

– Брось в ящик стола. У тебя там много компьютерного барахла валяется, никто не заподозрит, что среди хлама может быть что-то ценное, – сказал Ромеро.

Микмак обратил внимание, что Старик постоянно косится в сторону распахнутого окна. Ну, конечно же, как бы на

них не обратили излишнее внимание.

– Когда придут твои солидные люди?

Старик резко дернул глазами влево, активировав часы на глазных наноэкранах, и ответил:

– С минуты на минуту.

Ромеро поднялся, чинно прошествовав к окну, высунулся наружу, повертев головой.

– Искандера нет. Я же ему говорил.

– Он всегда опаздывает.

Старик издал какое-то неопределенное рычание: не то сетовал по поводу Искандера, не то просто не нашелся, что сказать. О привычке начальника водолазной команды приходить позже назначенного срока он знал прекрасно.

– Искандер любит море, ты же знаешь. Он никогда не может от него оторваться.

– Тиной тянет, – невпопад буркнул Ромеро и закрыл окно. Хвала богам, он хотя бы сигару выбросил.

– Кто эти люди? Покупатели? – спросил Микмак. – Хотелось бы знать, с кем имеешь дело. Когда заранее знаешь, чего ожидать от человека, добиться от него можно большего.

Ромеро многозначительно поднял вверх оттопыренный указательный палец. Ох уж эта его манера все делать многозначительно! Жест означал, что задавать подобные вопросы не стоит.

– Мы ведь тоже в деле, Ромеро, – напомнил Микмак.

– Мы давно распределили обязанности, – проскрипел

Старик и закудахтал, словно его скрутил застрявший где-то в глубине трахеи кашель. На самом деле, он изображал смех. Не смеялся, а именно изображал. – Искандер достает, ты находишь в «бютене» смысл, а я нахожу людей, которым все это добро нужно. Ведь так?

– Но я рассказываю о найденном смысле тебе. И Искандер приносит побрякушки сюда, в офис. А ты...

– Мои покупатели тоже приходят сюда.

Из-за неплотно прикрытого окна послышался звук хлопнувшей двери мобиля. Те самые солидные люди?

– Похоже, прибыли, – подтвердил догадку Микмака Старик. – А Искандера все нет.

Ромеро недовольно поцокал языком, вернулся к окну и снова распахнул его. В затхлую атмосферу офиса ворвался свежий ветер, крики чаек и голоса людей. Слов за шумом моря и ветра не разобрать.

Мобиль с покупателями прибыл с парадной стороны офиса. То есть с противоположной от той, где располагалось распахнутое Стариком окно. Микмак, смотревший наружу через тощую спину Ромеро, видел идущую наискось широкую тропу, ведущую вниз, к морю. Именно оттуда должен прийти Искандер – крупный курчавый француз, скорее по традиции, чем по велению ума или сердца, почитающий Аллаха. Обычно Искандер появлялся там в неизменных темно-синих плавках – он носил только темно-синие, – мокрый, с ластами, маской и баллонами акваланга в руках. Свои баллоны он

не доверял никому. Может, правильно делал.

Но сейчас Искандера не было на тропинке, и не виднелась его мокрая курчавая голова, словно поплавок, выныривающая из-за осыпающегося края высокого берега. Ромеро явно нервничал из-за опоздания подводника – похоже на то, что солидность людей в этот раз действительно была велика.

Старик высунулся наружу, перегнувшись через узенький подоконник. Пытался увидеть приближающегося Искандера. Он что-то бормотал, но Микмак не расслышал слов.

А дальше события стали развиваться настолько молниеносно, что Микмак не уловил момента, когда всё началось.

Старик как-то странно крикнул, будто подавившись, руки его суетливо заскребли по давно не мытому пластиковому подоконнику, оставляя в пыли светлые полосы. Его ноги несколько раз дернулись и поехали назад, а сам Ромеро повис на оконной раме, едва не вывалившись наружу.

Микмак ни о чем не думал. Понимание, да и вообще – какие бы то ни было мысли пришли потом. А сначала он начал действовать.

Правая рука открыла ящик стола, в который по совету Ромеро он положил SSD, нашарила там сам накопитель и резким движением метнула легкий брикетик в окно. Неизвестно, долетит ли он до моря, но, во всяком случае, Микмак теперь точно не знает, куда он упал.

Потом он поднял крышку компьютера и уничтожил всё, что оставалось на диске с того SSD. Смысла, конечно, ни на

грош – восстановить данные легко можно с помощью бесплатной программки из сети.

Пришел в себя Микмак только возле стола Ромеро, куда он, как оказалось, уже успел подойти. Указательный палец правой руки лежал на кнопке, спрятанной под столешницей. Нажав на нее, можно отправить сигнал тревоги Искандеру, у ныряльщика есть приемник. Только что-то останавливало Микмака. Что?

Ясно, что в Ромеро стреляли. И не только стреляли, но попали. Стрелок, вероятно, находился где-то сбоку – справа или слева от офиса. Как ни старался, Микмак не мог разглядеть на теле Старика входного отверстия пули. Он видел только тощую задницу и безвольно разъехавшиеся по полу ноги. Кто стрелял? Гости или...

Голоса всё так же слышались за окном. Ни тембр, ни ритм не изменились – выстрела «солидные люди» явно не слышали. Собственно, его не слышал и Микмак. А Искандер так и не появился. Что он там, на дне морском, интересно, нашел? Палец, уже почти надавивший на кнопку, отодвинулся и, чиркнув по шероховатой поверхности столешницы, спрятался в кармане своего хозяина.

В дверь тихонько постучали. Так обычно стучат, чтобы соблюсти приличия, а не для того, чтобы получить разрешение.

Так и есть – без всякой паузы дверь распахнулась, и на пороге появился прилично одетый, действительно солидный

человек средних лет в сопровождении пары амбалов в костюмах подешевле – на их фоне даже Микмак, мужчина широкоплечий и роста немаленького, смотрелся жалко – и небритого немолодого человека со странной прической, с ног до головы облаченного в застиранную джинсу. Они даже не пытались удивиться происходящему или сделать вид, что не имеют к происшедшему никакого отношения.

А Искандер, между тем, так и не появился.

Тук-тук-тук-тук. Стеклянный стук, быстрый, словно пулеметная очередь, разносился по кухне. Вместе со стуком в затхлом воздухе кухни распространялся едкий аромат бабушкиных капель. Был бы с них толк. Искореженные артритом дрожащие руки тщетно пытались отмерить нужное количество капель, выбивая дробь горлышком пузырька о край стакана с водопроводной водой.

Все говорили, что водопроводную воду пить нельзя. Ее давно уже нельзя было пить, но на очищенную питьевую денег все равно не хватало. Да и в чем вред, понятно тоже не было.

Лёшка вздохнул и ушел в залу.

Зала никакой залой не была. Так, обычная комнатуха, пятнадцати метров площадью. Старенький диван, усталый измятый, давно нестиранным бельем, неработающий коммуникатор на стене – черный экран покрылся толстым слоем пыли, на котором запросто можно писать, – стол, заставленный подсыхающими обедками, на полу затертый – местами проступала плетеная серая основа – синтетический ковёр. Ага, запустил он квартиру. Совсем запустил.

Раньше за порядком следила бабушка, а теперь она заболела. Лёшка ходил с ней в поликлинику, но ничего путного там не сказали. Выдали список лекарств, которые нужно ку-

пить, и попытались вселить надежду, что всё наладится.

Не наладилось. Только капли эти свои вонючие бабушка продолжала глотать, будто слаще в жизни ничего не было.

Лёшка знал, куда обратиться. Были в столице нормальные клиники. Но там требовалось платить. За прием врача, за процедуры, за обслуживание. Разве что дышать внутри этих клиник разрешалось бесплатно. А денег взять неоткуда.

Лёшка работал. Там, где получалось. Последние три недели он подрабатывал у Мирзамана Мирзоева на вокзале – выгружал из вагонов какие-то тюки. Что в тех тюках и принадлежали ли они вообще Мирзаману, Лёшка не знал. Ему платили, а остальное его не интересовало.

Это он так себя убеждал. А на самом деле что-то внутри грызло, не давало покоя. И не было особых сомнений в том, что он ночами просто-напросто ворует, причем не для себя, а для вконец обнаглевшего жулья.

Но не было и иного пути. Лёшка пытался доучиться в университете, оставался еще один год. Благо поступил он – всего за месяц до аварии на Станции – на бюджетный курс. Но положение в стране до сих пор оставалось тяжелым и стипендию не платили. Хорошо, нашли возможность не закрывать университет совсем. Хотя учиться на первом курсе начали не как обычно в сентябре, а весной следующего года.

Бабушкиной пенсии решительно не хватало. Даже на житье впроголодь. Поэтому Лёшке приходилось искать работу. А что он мог найти? Ничего не умеющий, жизни не нюхав-

ший пацан.

Лёшке всегда нравились компьютеры. Он бредил Сетью и программированием еще с детства. В шесть лет он распрошил программную начинку подаренного ему родителями планшета, а спустя год создал патч, позволяющий качать из Сети платные программы. И, разумеется, пользоваться ими бесплатно.

Но ломать быстро надоело. Каким бы виртуозом ни был ломщик, он оставался разбойником, способным лишь разрушать то, что сделали другие люди. Можно перехитрить задумку инженера и взорвать его творение, которое считалось нерушимым. Это сложно, но куда проще, чем построить такой же архитектурный шедевр. Ломать – не строить. Лёшка считал эту старинную пословицу честной. И он хотел не просто повторить, не сделать копию, пусть и столь же совершенную. Он желал превзойти уже построенное, выиграть гонку, сделав лучше свое, а не разрушив чужое.

Но это лишь мечты. А за окном, под низким свинцовым небом, по которому быстро, словно куда опаздывая, летели тучи, вольготно расположилась реальность. И главный менеджер этой самой реальности, как выясняется, забыл оставить на подвластной ему территории место для простого питерского пацана по имени Алеша.

А теперь еще заболела бабушка. Она пока не слегла, передвигалась по их маленькой квартирке сама. Но доктор сказал – когда бабушку попросили подождать в коридоре, – что

дальше будет хуже. Проблема крылась не в руках или ногах, болезнь поразила голову. Мозг, который отказывался управлять телом. И общаться с бабушкой становилось трудней с каждым днем.

Доктор, к которому они попали на повторный прием – «контрольный осмотр через полгода», – оказался нормальным парнем. Выписал он, конечно, ерунду, которая только немного сглаживала проявления болезни. Он сам об этом честно сказал – ничего другого он выписать не мог. Но лечение существовало. Не лекарства – медикаменты тут бессильны. Так сказал доктор. Нужен курс каких-то процедур, нужны особые наны. Доктор дал адрес, куда можно обратиться, но лечение стоило столько, что... Что это всё равно как, если бы лечения не существовало вовсе: Лёшка сроду не видел одномоментно такого количества денег. Можно взять кредит, только вот кто его даст нищему студенту, не имеющему постоянного дохода?

– Лешенька, ты цветы полил? – слышался с кухни бабушкин голос.

– Полил, полил, – проворчал Лёшка, тупо пялясь в пыльный экран неработающего коммуникатора.

Цветов в их квартирке не было. В этой – никогда.

Цветы разводила мама. Когда она была. Потом, когда родителей не стало, их трехкомнатную квартиру пришлось продать – платить за неё было нечем. И жить было не на что. Думали, денег, полученных от продажи квартиры, хватит на-

долго, во всяком случае, до окончания Лёшкой университета. Но чаяниям не суждено сбываться, мечты должны оставаться мечтами.

Родители делали все, что могли. Они пытались наладить жизнь, создать для сына нормальные условия... Их так и не нашли. Если вообще искали. В первый год после Катастрофы было не до поиска пропавших горожан. Хотя продажные полицейские и сейчас для неспособных заплатить граждан представляли скорее опасность, чем являлись защитой.

И Лёшка, и бабушка понимали, что стремительно разваливающаяся, попавшая в глубочайший кризис страна... попавший в кризис мир – не самое лучшее место, чтобы хранить личность. Но иного пути они не нашли.

Инфляция съела сумму, являвшуюся совсем недавно небольшим состоянием, всего за полгода. От «квартирных» денег не осталось ничего. Но пенсию, какой бы нищенской она ни была, государство платило бабушке исправно. На неё и жили. Выживали.

– Хотела картошки сварить...

– Да, бабушка.

– Только чего-то не нашла картошки.

В голосе бабушки явно ощущались нотки озабоченности. Она была расстроена, вот-вот заплачет. Теперь она плакала часто. Раньше на её глазах тоже нередко появлялись слезы, Лёшка знал это, но она старательно прятала от внука свое отчаяние. А теперь... Теперь у Лёшки возникало ощущение,

что они с бабушкой поменялись местами.

– Её нет, бабушка.

– Как же так... Как же это мы без картошки-то? Куда же нам...

Лёшка тяжело вздохнул и отвернулся к окну.

Бабушка тихо, почти беззвучно плакала на кухне. Она оплакивала отсутствие у них картошки. Оставалось еще четыре упаковки синтетического супа, но бабушка о них не помнила. Или помнила, но надолго застряла на картошке. Её теперь не сбить с курса: начала рыдать, значит, не успокоится, пока вдруг её внимание не привлечет что-то другое. Одна беда – в их доме почти нечему привлечь внимания. Лёшке было жаль бабушку, очень жаль, но поделать он ничего не мог. Да и не стоило ничего в такой ситуации делать – так сказал тот доктор. Только ждать.

Когда станет еще хуже.

За грязным, уже год немывтым окном продолжали свой бег темные тучи, поливающие землю мелким противным дождем. Уже весна, совсем не холодно, градусов десять тепла, не меньше, но даже на вид снаружи было сыро и неуютно. Очень не хотелось туда, страшно не хотелось пополнить и так огромную армию бездомных.

Только иначе лечение бабушки не оплатить. Лёшка всё посчитал – денег за квартиру должно хватить. Может быть, даже что-то останется. Несколько раз он заходил в офисы контор, занимающихся торговлей недвижимостью, но так

и не решился заговорить с клерками.

Ему, молодому и здоровому, не хотелось на улицу. А бабушке и вовсе там не выжить.

На площадке внизу резвились дети. Лет десяти. Маленькие, похожие с высоты двадцатого этажа на муравьев фигурки, не обращая внимания на дождь, весело прыгали по подвесным дорожкам, катались на качелях и что-то лепили в песочнице. Детская площадка была новой, поставили меньше месяца назад. Значит, есть деньги в бюджете. Значит, начала налаживаться жизнь.

Только не у Лёшки, у других.

Он надел не по сезону теплую куртку – главное, она не промокает, – повесил на плечо небольшую сумку и вышел из дома. Бабушка на кухне продолжала причитать по поводу отсутствия картошки. Ну нет больше сил на это смотреть. И слушать – тоже нет.

Загаженный и покореженный лифт, подозрительно поскрипывая, спускался вниз. «Трахни меня, если хочешь», и номер коммуникатора. Наверняка написал отвергнутый хозяйкой этого коммуникатора шалопай. В отместку. Нацарапал нетвердой рукой, ощущая себя победителем. Лёшке бы его проблемы.

Он открыл дверь парадного, ветер тут же бросил в лицо пригоршню противной холодной мороси. Лёшка поморщился.

Идти недалеко, всего три остановки троллейбуса. Так что

тратить деньги на общественный транспорт нет никакого резона.

Он шел быстро, натянув капюшон и вжимая голову в плечи – так меньше влаги попадало за шиворот. Хотелось поскорее добраться, спрятаться в тепле.

Шумящая во дворе детвора, которой нипочем даже холодный апрельский дождь, осталась позади. Теперь Лёшка шёл мимо высокого ободранного забора. Лет пять назад им огородили площадку, на которой собирались что-то строить. Но стройка так и не началась. Случилась авария на Станции, Катастрофа. Последнее время жизнь в городе начала походить на ту, какой она была до злополучного дня. Так что, возможно, за этим забором, увешанным размокшими обрывками афиш и каких-то политических призывов, скоро опять появятся строительные краны.

Улица была пустынна, ни впереди, ни сзади, насколько хватало глаз, людей не было. Только ободранная собачонка неспешно трусила метрах в двадцати впереди Лёшки, то и дело обнюхивая забор.

Ловко перепрыгивая лужи, Лёшка добрался до перекрестка. Здесь направо. Переулок довольно темный – каждый раз, проходя здесь, Лёшка испытывал не то, чтобы страх, но какую-то неуверенность в собственных силах. По спине пробежал неприятный строй мурашек. Может, это дождь забрался за воротник?

Лёшка поднял глаза. Оказалось, дождь закончился.

В быстро затянувшуюся прореху в плотном облачном строе на пару секунд даже неуверенно выглянуло солнце. Светило словно бы испугалось той картины, что увидело здесь, поспешив спрятаться за непроницаемыми свинцовыми тучами.

Лёшка стянул капюшон – утепленный, отороченный искусственным мехом, в нём было нестерпимо жарко и душно, – стряхнул переливающиеся шарики брызг с рукавов и поправил немного сползшую вбок сумку.

– Эй, пацан!

Все-таки здесь кто-то был. Смешно предполагать, что днем окажешься на улице в одиночестве.

Лёшка посмотрел по сторонам. Прямо продолжался переулок – тот самый, что всегда не нравился, – направо уходил узкий проход, вероятно ведущий во двор, слева – витрина какого-то магазина. Витрина была темной и заляпанной чем-то белым изнутри, этот магазин давно не работал, возможно, со дня Катастрофы.

Никакого смысла бежать во двор. Он может оказаться закрытым, это настоящая западня. Идти назад? Только Лёшка никак не мог понять, откуда донесся до него нахальный, немного с хрипотцой голос.

– Да ты, ты. Чего озираешься?

Из-за магазина появился человек. Видимо, там был еще один проход. В другой двор. Сколько человеку лет, с такого расстояния Лёшка определить не мог. Да и какая разница? Подобная встреча в подобном месте не обещала ничего хо-

рошего.

– Чего надо?

Лёшка попытался придать голосу максимально независимую интонацию, мол, ему совершенно все равно, кто и о чем его спрашивает. Но получилось плохо – голос дрожал и сбивался на хрипоту. И внезапно очень сильно захотелось пить.

Он никогда не отличался какой-то особенной физической силой. Да что там греха таить, и не особенной тоже не отличался. С самого рождения он был тщедушным, всего опасующимся ребенком, выросшим в тощего, дрожащего от любого хулиганского возгласа недомерка. Драться Лёшка боялся, оправдывая страх тем, что практически любой соперник явно сильнее его, и исход поединка предreshен заранее.

– Закурить не найдется?

Значит, будут бить. Быть битым совсем не хотелось. Да и не в синяках-то дело.

– Не курю, извини.

Не курил Лёшка на самом деле. Но кого это интересует? Да и спрашивали его просто так, чтобы к чему-нибудь прицепиться. Бежать назад? Задатками спринтера природа Лёшку тоже обделила.

– М-м, – промычал любитель курева, – жаль.

Мужчина развернулся и быстро пошел вперед, свернув направо метрах в тридцати от Лёшки. Сердце стучало так, что казалось, выпрыгнет из груди. Лёшка заметил, что обеими руками вцепился в свою сумку, в которой лежало его

главное сокровище.

Компьютер, купленный родителями лет пять назад, он самостоятельно усовершенствовал, что-то поменяв и добавив. На рынке возле «Медной гадюки» продавалось всё, что душе угодно, и часть заработанных ночной работой денег была пущена на приобретение новых комплектующих для компьютера. Конечно, не «раллер», но вещь вполне приличная. Лёшка боялся за комп больше, чем за себя – синяки пройдут, а новую машину он вряд ли сможет купить. Сегодня повезло.

Левая рука, оторвавшись от сумки, нашарила под курткой небольшой медальон и сжала его. Всесильная Цифра!

Когда он добрался, собрание уже началось. Лёшка осторожно, стараясь не шуметь, стянул мокрые кроссовки, сбросил на пол куртку и, вытащив комп из сумки, прошел в зал.

Раньше здесь была школа, потом её закрыли. Что в этом здании находилось теперь, Лёшка понять не мог, да и не было ему особенно интересно. Но по субботам в бывшем спортивном зале собирались люди, к которым причислял себя и он. Поклонники Цифры – всемогущей силы, которая призвана покорить мир.

– Цифра поработила человека, сделала зависимым. И именно Цифра освободит человека! Позволит преодолеть себя. Позволит подняться очень высоко. Выше неба! Выше звезд! Власть Цифры сменится властью над Цифрой. И двоичный код станет символом нашей свободы! – доносилось с импровизированной трибуны, собранной из матов в южном

углу спортзала.

Это были слова из «Чисел праведности». Лёшка знал их наизусть, так же, как все остальные, кто приходил сюда.

Лёшка окинул взглядом зал, выискивая место, где можно присесть. Десятка три человек, в основном молодежь, ровесники Лёшки или немного старше. Подростков и людей за тридцать почти нет. Большинство с бритыми наголо головами – согласно моде, установленной Сорок Два. Сам Лёшка ничего не имел против утверждения, что Сорок Два был пророком – первым пророком Цифры, – но поклонником предводителя тритонов не являлся, поэтому никогда не брил голову. Он носил довольно длинные волосы, обычно нечесаными прядями неаккуратно свисающие до плеч. А на самом деле, ему никогда не нравилось стричься.

– Цифра призвана освободить человечество. Но без помощи самого Человека Цифра бессильна. Мы, люди, подобно богам, призваны вдохнуть в Цифру жизнь, – продолжал проповедь Коннектор.

Лёшка сел на пол – места на мате ему не досталось, – не нужно опаздывать, – сложив ноги на манер индийских йогов. Он поднял крышку своего компьютера и подключился к внутренней сети Обители Цифры.

Именно так человек, называвший себя Коннектор, именвал их организацию. Большинство посторонних, знавших о существовании Обители Цифры, считали их сумасбродной сектой, а Коннектора – или безумцем, или шарлатаном.

Лёшка понимал, что подобные представления недалеко от истины, но он верил. В силу Цифры, в возможность лучшей жизни, в скорый приход Эпохи Цифры, когда всё изменится. Простые, ничего не значащие слова. Всё изменится... Очень похоже, что никто – даже их предводитель Коннектор – не мог точно сказать, что же должно измениться. И, главное, как. Но это не важно, важно, что люди верили в перемены, знали, что они возможны. И пытались понять.

Лёшкина «балалайка» запросила разрешения на автоматический запуск программного обеспечения сети. Коротким движением указательного пальца правой руки он активировал сегодняшний алгоритм. Святое писание Цифры.

Перед глазами побежали ряды нулей и единиц, быстро сменяя друг друга. Хоровод двоичного кода успокаивал и, вместе с тем, не давал сознанию расслабиться, настраивал на более тонкое восприятие Цифры. Коннектор говорил, что бегущая перед глазами строчка нулей и единиц есть не что иное, как истинная молитва адепта Цифры. Только двоичный код и никаких слов. Возможно, он и прав.

На экране компьютера, сквозь мельтешение «цифровой молитвы», Лёшка читал сегодняшнее задание. На каждой встрече адепта Цифры ждало задание – иногда нечто безобидное, просто для тренировки. Порой Лёшке приходилось ломать что-то, чего он сам не понимал. Успокаивало только то, что ломали они все через внутреннюю сеть Обители Цифры.

Сегодняшнее задание оказалось простым. Всего лишь взломать охранные системы местного порносайта. Плевое дело.

Лёшке не нравилось заниматься взломом, но Коннектор утверждал, что взлом тренирует навыки истинного нейкиста, позволяет максимально сродниться с сетью, стать её частью. Еще помогал «синдин». По рассказам самого Коннектора, троица Сорок Два освобождала сознание, давала возможность переместить границы восприятия за пределы известного людям, сделать разум более цифровым. Лёшка не спешил опробовать зелье, его смущали возможные проблемы со здоровьем. Да и откуда у него могли взяться деньги на покупку «синдина»?

Нули и единицы перед глазами сменяют друг друга всё быстрее и быстрее. Пальцы лихорадочно стучат по клавишам.

– Человек – Бог, а Цифра есть путь человека к Богу! – голос Коннектора звучал громко, словно усиленный мощными динамиками. – Цифра поработила человека, но Цифра даст человеку свободу, поведет его ввысь...

Еще немного, осталось несколько шагов, и доступ к файлам сервера питерского порнобизнеса будет открыт.

«Привет».

Сообщение, высветившееся на экране, было столь неожиданным, что на мгновение Лёшкины пальцы остановились, перестав забивать нужные данные в программу взлома.

«Ты кто?»

Доступ к его машине надежно защищен. Во всяком случае, так считал хозяин компьютера.

«Не важно. Ты не ответил на приветствие».

Стало быть, его еще и учить хорошим манерам собираются. А если так?

Лёшка свернул окно, в котором шаг за шагом его червь продирался сквозь стройные ряды охранных программ порносервера. Новые окна сменяли друг друга, нули и единицы мельтешили перед глазами, почти слившись в сплошную линию.

– Бог есть Разум. Человек – сосуд,местилище духа. Мир управляется Разумом, а сейчас, в Эпоху Цифры, мир управляется человеком. Мы Боги!

Коннектор сорвался на визг. Проповедь подходила к концу. Да она и не имела значения – слова Поэтессы знали все присутствующие здесь. Важен фон, звучание слов Прародительницы веры в истинность Цифры.

Кто же ты такой? Лёшка никак не мог поймать вторгшегося в его компьютер. Это кто-то из собравшихся в зале – ломали из локальной сети. Но кто? Лёшка на секунду оторвался от экрана, окинув взглядом помещение. Все адепты сидели на матах, уткнувшись в экраны своих машин. Ни один не вызывал ни малейшего подозрения.

«Я жду».

Нахал! Он еще, видите ли, ждет!

Вот он. Вот его адрес в локальной сети. Сейчас, сейчас, подожди. Сейчас ты свое получишь.

Лёшка отправил неизвестному ломщику червя собственного сочинения, но вредоносный софт вернулся назад – по открытому только что адресу никого не было. Понятно, путает следы.

«Привет», – набрал он ответное сообщение и ткнул в кнопку «отправить».

Ага, значит, так всё просто – сообщение ушло, а, стало быть, отправившей его программе взломщиком Лёшкиного компьютера доверен алгоритм смены адреса. Теперь не уйдешь!

«Видишь, как всё просто. Иногда достаточно просто быть вежливым», – пришло ответное сообщение, а на экране всплыло сообщение: «Пользователь в локальной сети не обнаружен».

Лёшка резко обернулся, услышав – нет, скорее, почувствовав каким-то неведомым доселе чувством, – что по залу кто-то идет. Но рассмотреть ушедшего человека не смог – он увидел только руку, закрывающую дверь в зал. Лёшка вскочил и выбежал в коридор, гулким эхом повторивший стук его шагов. Но там никого не было. Может, показалось?

– Что-то случилось? – слышался из-за спины голос Коннектора.

Лёшка понял, что двоичный код больше не бежит перед глазами: проповедь закончилась.

– Нет, все в порядке.

На глазных наноэкранах появилось сообщение о завершении операции взлома порносайта. Об успешном завершении. Сегодняшнее задание он выполнил.

– Что-нибудь нашел?

– Нет. Я ничего не искал. Люблю море. Просто нырял – смотрел, что внизу, – ответил Джио.

– Там давно ничего не видно, – возразил Минелли.

Лучано Минелли владел небольшим ресторанчиком на восточной окраине Марселья-нуво. Джио любил обедать здесь – когда водились деньги, ибо цены в «Раковине русалки» очень даже кусались. Натуральные продукты, что делать. И с Лучано – братом по крови – Джио давно водил приятельские отношения. Близко не дружили, но испытывали друг к другу изрядную симпатию.

Новорожденный Анклав Марсель-нуво, конечно, никаким Анклавом не являлся. Однако власти Европейского Исламского Союза, на землях которого он отчасти располагался, не имели ничего против существования разрастающегося псевдоанклава. Анклав не анклав, а офшорной зоной Марсель-нуво был совершенно точно. Так же точно, как то, что городок являлся накопителем всяческого рода проходимцев и людского сброда.

– Угу, – Джио кивнул, – всё заросло водорослями и кораллами. Природа возрождается.

– Рыбы много?

– Не очень. Слышал, километрах в пятидесяти к западу

взорвался европейский крейсер?

– Ходят слухи, его подбили.

Джио махнул рукой.

– Врут. Только рыба теперь отсюда уйдет: из крейсера на-
верняка много всякого дерьма вылилось.

Минелли буквально на секунду исчез за перегородкой, появившись снова с громадным сотейником в руках, из которого валил пар, наполняя небольшой зал заведения дивными ароматами. Это была паста. С соусом, который умел готовить только Минелли.

Кулинар явно был расстроен – от разнообразия местной морской фауны сильно зависело меню его ресторана. Не станет рыбы или креветок, придется отказаться от нескольких блюд. А это может отвадить ряд состоятельных клиентов.

– Давай пасту скорее, Лучано, – нетерпеливо проворчал Джио, готовя приборы к началу трапезы. – Сил уже больше никаких нет терпеть. Со вчерашнего дня ничего не ел.

– Скажи честно – не можешь устоять перед пастой Лучано Минелли, – ввинтив в воздух поднятый кверху указательный палец, заявил владелец ресторана. – А то, можно подумать, что ты приходишь сюда только ради удовлетворения низменных животных потребностей в регулярном питании.

– Если бы было так, Лучано, я бы ходил в фастфуд Хареви – синтетическую еду не приходится ждать. Да и обходится она не в пример дешевле.

– Не нужно экономить на здоровье и удовольствии. А удо-

вольствие – одна из частей здоровья.

– Знаю, Лучано, – улыбнулся Джио, – поэтому и хожу обедать к тебе. Когда могу себе позволить.

Перемешанная с красноватым соусом, тертым сыром и маленькими кусочками поджаренного мяса, паста, источая неземной аромат душистых трав (и где он их только берет?), упала в большую плоскую тарелку, стоящую на исцарапанном заскорузлом, но натурально деревянном столе.

– У тебя здесь сеть нормально работает?

– Конечно работает! И защита стоит. У меня же хороший ресторан.

Внешне «Раковина русалки» выглядела не лучше заштатной столовой. Над её дизайном никто не работал, все и внутри и снаружи небольшого домика, к которому со временем пристроили средних размеров веранду, а впоследствии и второй этаж, было сделано руками самого Лучано и его близкими. Но кухня Минелли заслуживала самых высших похвал. Джио подозревал, что не всё здесь было столь натуральным, как то утверждал хозяин, но оспаривать вкусовые качества подаваемых блюд не пытался. Незачем, лучшего в муравейнике под названием Марсель-нуво все равно не сыщешь.

Джио достал из кармана свой незарегистрированный коммуникатор и вбил в поисковую строку интересующее его название.

– Решил самостоятельно заняться сбытом «бютена»? –

Лучано, лукаво улыбнувшись, погрозил приятелю пальцем.

– Нет. Просто нужно кое-что проверить.

– Значит, ты все-таки что-то нашел.

– Я многое нахожу. Но не все знаю, куда применить. Эксперт должен владеть ситуацией, как ты считаешь?

– Конечно, конечно.

Мир Марселя-нуво крутился вокруг «бютена». Этим французским словом называли все, что удавалось поднять со дна. Все, что осталось от некогда могущественного европейского Анклава Марсель, погибшего в водах Средиземноморья в день аварии на Станции. Эвакуации не было – её не успели организовать. Скорее всего жители приморского Анклава не успели даже толком сообразить, что происходит: Анклав, почти мгновенно разрушенный землетрясением, исчез в замутненных в тот день водах спустя каких-то пятнадцать часов после начала Катастрофы.

На дне осталось многое от бывшего Анклава. И тонны разнообразных, полезных в хозяйстве вещей, и ржавые теперь, но вполне работоспособные мобили, и так необходимые в нынешний век лекарства – те, что были упакованы в герметичную упаковку. Там, на дне, лежала целая жизнь, жизнь нескольких миллионов человек и города-государства. И где-то там, среди водорослей, ила и снующих туда-сюда косяков рыб, разьевших на вдруг свалившихся им на головы останках странных двуногих существ, прятались тайны корпораций, работавших в Марселе. Найти какую-ни-

будь технологическую разработку корпорации – вот главный приз, ради которого в морские глубины отправлялись тысячи охотников за «бютеном». От доморощенных ныряльщиков с садовыми шлангами, зажатыми в зубах, до профессиональных, хорошо экипированных команд, организованных, скорее всего, самими корпорациями.

Джио нырял мало. Больше из интереса и для удовольствия. Для работы водолаза он подходил не очень – невысокого роста, тщедушный, со впалой грудью и большими, обведенными черными кругами, болезненного вида глазами. Глядя на него, можно было предположить, что на дне давление сплющит его совершенно.

Бизнес Джио заключался в другом – не весь поднятый со дна «бютен» легко мог найти своего покупателя. Скорее, наоборот: прямое назначение найденных остатков бывлой цивилизации часто оставалось скрытым. Землетрясение и последовавший за ним оползень сыграли роль отличного миксера, перемешавшего всё – найти зоны тех или иных корпораций под водой теперь практически невозможно, всё свалено кучей. Да и сам «бютен» полностью оправдывал свое название – самый натуральный хлам малопонятного назначения. Откуда, скажите на милость, среднестатистическому жителю Марселя-нуво знать, куда можно применить индуктор двигателя Крайтона-Симмондса? А обнаружить весь двигатель в сборе удавалось не так уж и часто.

Найти добытому кем-то «бютену» достойное применение

ние – в этом и состояла функция Джио, Джордано Лоренцо – бывшего инженера и машиниста, бывшего капера, бывшего успешного и уверенного в себе довольно еще молодого человека. Без людей, подобных Джио, большая часть «бютена» становилась никому не нужным мусором. Эксперты были подобны богам, как любил говорить Джио, они вдыхали в никчемный хлам жизнь, наделяли его функцией и давали ему цену. И, разумеется, имели со всего этого свой процент.

Минелли стянул с головы огромный поварской колпак и привычным жестом вытер руки о белоснежный передник. Когда он был в колпаке, могло показаться, что голову талантливого повара украшает густая вороная шевелюра, но на деле он был лыс, и лишь тонкая полоска выющихся, всё еще черных, как смоль, волос обрамляла блестящее, словно полированное, темя. Без профессионального головного убора Минелли казался меньше и смотрелся каким-то жалким и уставшим – плечи тут же опускались, уголки глаз съезжали вниз, лоб перечеркивали глубокие морщины. Скорее всего, так он выглядел всегда, только в кулинарии он был богом, а снятый колпак возвращал его облик с небес на грешную землю.

– Что ты хочешь проверить?

А сеть, заметил Джио, у Лучано защищена действительно неплохо. Для чего Минелли была нужна такая мощная и дорогая цифровая цитадель, Джио не знал. Наверное, добыча натуральных продуктов требовала конфиденциальных раз-

говоров и общения с не самыми законными организациями как в Марселе-нуво, так и за его пределами. Хотя законных организаций в псевдоанклаве отродясь не водилось. Так же, как самого понятия закон. Здесь правил бал естественный отбор. Но не тот, что когда-то давно изобрел старик Дарвин, а отбор человеческих отношений, хитрости и грубой физической силы.

– Попалась мне вот эта вещичка, – Джио вытащил из кармана маленький не то пластиковый, не то резиновый прямоугольничек, подвешенный на тонкой серебристой цепочке. Черную поверхность брелка украшала мелкая белая надпись, состоящая из нескольких слов.

– Похоже на электронный носитель. Как в компьютерах. Пробовал подключить её к компу?

Джио кивнул, промокая рот салфеткой.

– Хорошо бы сейчас бокал кьянти, – посетовал он.

К сожалению, удовлетворить желание Джио не мог даже такой чародей, как Лучано Минелли.

– Тоскана... Ты же знаешь...

– Знаю.

От Тосканы, где раньше делали кьянти, цена на бутылку которого перед Катастрофой достигла каких-то просто астрономических высот, мало осталось. Нет, сама итальянская провинция не погрузилась в Средиземное море, подобно Анклаву Марсель, но Пиренейский полуостров потрепало землетрясениями, проснулись старые и вылезли, как прыщи

на теле Земли, новые вулканы. Так что о виноделии, и без природных катаклизмов сильно подпорченном исламскими властями Европы, теперь пришлось забыть. Может быть, когда-нибудь в будущем...

– Говорят, из винограда, выросшего на вулканических почвах, получается необыкновенное вино.

– Будем надеяться, – улыбнулся Минелли. – И тогда хоть наши дети попробуют новый кьянти.

Джио взял стакан, запотевший, с потрескивающими внутри кусочками льда. Пальцы ощущали приятную прохладу. Он в приветственном жесте чуть приподнял сосуд, отдавая должное мастеру, только что сотворившему настоящее произведение кулинарного искусства, и сделал несколько глотков.

Сеанс работы в сети не был долгим. Джио не требовалось кому-нибудь звонить или подключаться к виртуальной конференц-связи. Он всего лишь хотел проверить одну вещь – посмотреть в поисковой системе то слово, что было написано на черном пластиковом прямоугольнике. На ощупь пластик и правда был мягким, словно резина. Возможно, это было прихотью дизайнеров. Может быть, мягкая оправа несла противоударную функцию.

– Да, я пробовал подключить это, – сказал Джио.

Лучано, видимо, все еще поглощенный мечтами о возрождении итальянского виноделия, не сразу понял, о чем говорил его приятель и постоянный клиент.

– Не работает.

– Носитель пуст?

– Он вообще не распознается системой. Это что-то другое.

– И что ты пытаешься найти?

Джио на секунду оторвал взгляд от экрана коммуникатора и улыбнулся Лучано:

– У меня тоже есть свои методы. Но я не умею добывать хорошую еду.

– Хорошую еду делаю я.

– И делать её я тоже не умею.

Лучано улыбнулся и скрылся за перегородкой, отделяющей зал от кухни. Во владениях семейства Минелли что-то скворчало, булькало, гремело и наполняло заведение ароматами еще не доведенных до готовности яств. Приближалось время обеда, и рестораторы готовились принимать проголодавшихся гостей.

Джио еще раз бросил взгляд на черный корпус сегодняшнего «бютена». Лучано видел вещьцу, он явно прочел надписи на её боку, но ничего не сказал. Он не знает, что это такое. Простая безделушка? Или за неё удастся что-нибудь получить?

Пальцы Джио, аккуратно примериваясь к каждой букве на маленькой виртуальной клавиатуре, набрали короткое слово. Всего пять букв: «АКОПТ». Именно так, заглавными буквами, было написано на мягком черном пластике. И длинный ряд из двенадцати цифр, не разделенных пробелами.

лами или точками.

Поисковая система сети задумалась всего на долю секунды, на экране появился длинный список ссылок на страницы, содержащие искомое Джо сочетание букв. И только один настоящий «АКОПТ». «Шаровые краны, запорные арматуры. Лучшая сантехника Баварского Султаната», – прочитал описание Джо. Нет, это явно не то. Но других «АКОПТов» не было.

Поиск цифр и вовсе был делом бесперспективным – мало ли в сети цифр. На всякий случай Джо забил цифры вместе с «АКОПТом» и получил тот же результат. То есть никакого.

Джо двигал пальцем строчки со ссылками вверх, размышляя о значении надписи. Буквы на гаджете четкие, никаких сомнений в правильности написания нет. Но этой надписи нет ни в одном из файлов? Слишком ценная вещь, чтобы доверить её секреты сети? Очень может быть.

Так и есть.

– Привет, Джо!

Эксперт по «бютену» резко поднял голову, машинально сбросив открытую страницу. Несколько привычных действий, и в памяти местного сетевого ретранслятора не осталось данных о только что проведенном поиске. Если верить корпорации, владевшей поисковой машиной, то данных не осталось и в сети. Но это – если верить, а Джо излишним доверием к корпорациям не отличался.

– Привет, Беата, – искренне улыбнувшись, ответил на

приветствие мужчины.

Дочь Лучано Минелли Беатриче была брюнеткой невысокого роста, не обиженной матерью-природой пышными формами «там, где надо» и тонкими и грациозными – в иных местах. Любой мужчина, по убеждению Джио, непроизвольно задерживал взгляд на таких девушках, как Беата, отдавая должное точеным чертам лица, но неуклонно скользя глазами вниз, цепляясь за округлости в области груди и надолго останавливаясь пониже талии. Любой, даже из тех, кого в России называли «голубыми», а на английском – «весельчаками».

Беате еще не было и шестнадцати. Её родители справедливо переживали за дочь, не разрешая гулять по Марселю-нуво без сопровождения старших – кого-то из родителей или брата Джузеппе. Но что поделать с молодой кровью – сейчас Беата вернулась как раз с одной из своих прогулок, разрешения на которую ни у кого не спрашивала. До полудня еще больше часа, вряд ли девушка отправилась прогуляться на рассвете, скорее всего, её не было дома всю ночь.

Джио невольно усмехнулся мыслям, а его взгляд скользнул по аппетитным округлостям Беаты, обтянутым короткой черной юбкой. Не зря переживает за дочь Лучано, ох не зря.

– Иди, помоги матери, – голос главы семейства был холодным, как айсберг. Похоже, присутствие Джио спасло Беату от ощутимого удара по тем самым округлостям.

Что греха таить, округлости Беаты действительно привле-

кали Джо. А чем он, скажите, хуже «любого мужчины»? Тем, что приятельствует с Лучано? Так ведь это не мешает ему ценить женскую красоту. Правда, Беатриче вызывала в нём чувство неоднозначное. На самом деле в его взгляде было куда больше отцовской нежности, чем неприкрытой похоти самца.

– Папа, я...

Неверный шаг. Оправдываться не стоило.

– Иди, помоги матери, – прошипел Лучано.

Если она произнесет еще хотя бы слово, присутствие Джо не спасет её прекрасный зад от побоев.

– Спасибо, Лучано, – чтобы разрядить обстановку, сказал Джо, показывая хозяину «Раковины русалки» зажатый между пальцами черный гаджет: – Ничего об этом не нашел. Буду думать, куда применить.

Минелии, не проронив ни слова, взял оставленные Джо на столе евродины и спрятал их в кармашке фартука. Беата, проявив благоразумие, быстро перебирая хорошенькими ножками, скрылась на кухне. Из-за перегородки донеслось приглушенное ворчание Анжелики, жены Лучано.

– Девочка выросла, – заметил Джо, наблюдая, как губы Лучано беззвучно двигаются, выговаривая одно итальянское ругательство за другим. – Ты же не можешь держать её взаперти вечно.

– У тебя нет дочери, Джо, – тихо произнес Минелли и резким движением натянул на вспотевшую лысину повар-

ской колпак. Он снова превратился в бога кулинарии, способного сотворить любое блюдо и всегда радующегося гостям.

Много ты знаешь, друг Лучано.

Джио сильно прикусил губу, пытаясь прогнать из головы наваждение – маленькая Вилли тянет к нему ручки, бормоча что-то на своем смешном детском наречии.

– Но ведь это не означает, что я не понимаю тебя. Ведь так, Лучано?

Минелли ничего не ответил. Лишь кивнул в знак согласия и принялся натирать и без того блестящую барную стойку, возле которой стоял.

Халид аль Хатеми стоял почти точно в геометрическом центре зала. Он был недвижим, но всем своим видом демонстрировал неукротимую энергию и напор, подобно великим античным мастерам, сумевшим заморозить движение в куске мрамора. И хотя Традиция не одобряла художественные изображения человеческого тела, Халид с детства восторгался скульптурой древних европейцев. Использовать умения чужих Традиций во благо своей – не грех, а высокое искусство. В этом аль Хатеми был глубоко убежден.

Фарфоровая чашка, застывшая в нескольких сантиметрах от пухлых губ, которые сверху украшали пышные черные усы, медленно двинулась. Губы вытянулись трубочкой и с удовольствием втянули густой ароматный кофе. Настоящий, с настоящих африканских плантаций, возрожденных пару лет назад. Многие из тех, кто покупал кофе, не верили в его африканское происхождение – не важно, они тоже видели главное: дивный вкус замечательного напитка, делающего мысли четче.

– Утечка топлива устранена, – раздался голос прямо внутри головы. Сеть в центре управления полетами Европейского Космического Агентства работала исправно, и руководитель центра Халид аль Хатеми пользовался всеми доступными (и даже немного больше – спасибо машинистам) функ-

циями «балалайки».

– Причина?

– Программный сбой процедуры закрытия клапана топливопровода. Машинисты устранили проблему, проведена полная проверка системы. Сбоев не обнаружено.

– Отлично, – сделав еще один маленький глоточек кофе, прокомментировал сообщение Халид. – Продолжайте продувку двигателей.

– Есть!

На огромном экране, занимающем почти всю северную стену Центра, белоснежную ракету, увенчанную черным обтекателем, окутали клубы белого пара. По углам картинки отображались данные со всех систем ракеты-носителя и стартового стола. Автоматика работала отлично, но и в этот раз не обошлось без сбоев.

Космическая программа Европейского Исламского Союза, которая всего пару лет назад, казалось, умерла безвозвратно, сегодня перестала быть чем-то из ряда вон выходящим. Конечно, первые после Катастрофы запуски – в Европе, в Китае или в Америке – не сопровождались столь бурным ликованием масс, как это было в двадцатом столетии. И космос давно утратил сказочную романтику, да и сами массы ныне заняты куда более прозаическими проблемами. Сегодня главным пунктом в повестке дня стояло выживание, а космос... Космос всё еще вызывал восторг. Но теперь, скорее, как символ возрождения былого величия человеческой

цивилизации, а не как сказка о супергероях, отправившихся в небо.

Сегодня под обтекателем ракеты «Ариан-16» «супергероев» не было. Пилотируемый полет запланирован только в декабре, а до того нужно сделать еще хотя бы два успешных беспилотных запуска. Не только страны Исламского Союза, вся планета остро нуждалась в новой разветвленной сети спутников связи. Многие сделали в «Науком», их орбитальная группировка превосходила космические силы всех государств вместе взятых в разы. Вот это и смущало... И Халида аль Хатеми, и руководителей Исламского Союза в Эль-Париже.

Казалось бы, всего пять лет назад спутники в космос отправлялись чуть не каждую неделю. Что уж говорить о коммерческих запусках аэрокосмических корпораций в Анклавах. Всего пять лет – что могло измениться?

А изменилось многое. Природа не выносит простоя, наука и техника не терпят даже снижения темпа. Прошло лишь пять лет, а они уже не могут выполнить ни одного пуска, не увязнув в каких-нибудь сбоях, отказах, программных ошибках... Халид потянул еще кофе и поморщился, набрав полный рот разбухшей кофейной гущи. Чудесный напиток закончился, очень хотелось выпить еще, но врачи не рекомендуют.

Цифры на экране быстро сменяют одна другую. Системы носителя работают штатно, автоматике не требуется вмеша-

тельство человека.

– Зажигание!

Мгновение, и белые клубы, в которых почти исчез грациозный корпус ракеты, озарились красно-оранжевыми сполохами. Словно из-под дюз маршевых двигателей вставало солнце.

– Отрыв!

Конструкции стартового стола неспешно отвалились в сторону, и ракета – огромная, стотонная туша – медленно поползла вверх. В момент отрыва Халид всегда замирал, уподобившись античному изваянию. Он знал всю механику космических полетов, мог с точностью до сантиметра рассказать, куда двинется ракета в следующий момент, но всё равно ощущение, что неподъемная громадина никак не сможет оторваться от поверхности родной планеты, каждый раз не давало ему покоя. Казалось, еще мгновение, и огромный белый столб начнет заваливаться вбок. Но нет, раз за разом «Арианы», изрыгая водопады пламени, уносились в небесную высь.

Проблемы случались позже, обычно во время отделения ступеней. Но сейчас не время думать о проблемах.

Халид поставил чашку, которую всё еще держал в руке, на блюде и почувствовал, что большой и указательный пальцы ноют от того, что тонкая фарфоровая ручка слишком сильно давила на плоть.

Руководитель ЦУПа прошел между рядами столов, на

каждом из которых стоял компьютерный терминал. Люди работали, большинство о чем-то разговаривало с помощью «балалаек», кто-то неотрывно смотрел в свой экран, машинисты быстро стучали по клавишам.

Стул у широкого массивного стола с несколькими терминалами, на которые выводилась практически вся информация о полете, подвинулся к решившему сесть аль Хатеми словно бы сам собой. Работники ЦУПа хорошо знали, как нужно работать, Халид никогда не повышал голос, его ничто не раздражало в собственном ведомстве.

– Первая ступень отработала. Сброс, запуск двигателей второй.

Голос транслировался на весь зал через динамики и вторился внутри головы, отправленный туда «балалайкой». В космической отрасли издревле принято все дублировать, даже на земле. Надежность здесь превосходила все возможные пределы. Халид опустил глаза на бегущие по терминалу строчки. Цифры были хорошими, все шло, как должно. Но...

– Работа двигателей второй ступени штатная.

Первый рубеж пройден.

– Корректировка курса.

Всё в порядке – в дела людей вмешались природные стихии, маневровые движки отлично отработали, нивелировав порыв ветра.

– Отделение второй ступени. Старт двигателей третьей ступени.

В огромном зале повисла тишина. Только слышно, как тихонько постукивают клавиши «раллеров» – машинисты продолжают вносить коррективы и считывать данные.

– Старт успешен. Выход на расчетную траекторию.

Почти все. Остались считанные мгновения – таймер на экране отмеряет секунды. Четыре, три, две, одна...

Секундная пауза и сообщение:

– Спутник выведен на опорную орбиту. Начато тестирование систем.

Тестированием займутся машинисты. Не зря же они молотят по клавишам, что дятлы по дереву. Главное – в этот раз космос покорился. Под высоким потолком главного зала ЦУПа слышались аплодисменты и восторженные возгласы. Халид аль Хатеми позволил себе улыбнуться.

– Когда будет выход на рабочую высоту? Или как там вы это называете?

Человек, задавший вопрос, сидел рядом с начальником ЦУПа. Он не радовался с остальными, с самого старта ни разу не оторвал ягодицы от стула, вальяжно откинувшись, словно пришел сюда отдохнуть. Его вообще не интересовал космос, этот человек находился здесь, чтобы следить. Он был неприятен Халиду, но его присутствие здесь значило довольно много, поэтому показывать свою неприязнь варвару аль Хатеми не собирался.

– Сейчас – проверка систем. По плану запуск четвертой разгонной ступени должен произойти через семьдесят шесть

минут. Если что, у нас есть резерв в два витка.

– Вы ведь понимаете, что не выполнить миссию мы не можем?

Аль Хатеми тяжело вздохнул. Он не знал, что впихнула цюрихская корпорация «Раумфарт» под колпак обтекателя, но почему-то ощущал себя подельником шайтана.

– Страховые компании... – начал он, но так и не сдвинувшийся с места господин перебил его.

– Страховые компании вы упомянули абсолютно не к месту. У нас иные задачи, уважаемый Халид.

Очень хотелось плюнуть нагледцу в лицо. Набрать побольше слюны и плюнуть так, чтобы потекло по маленьким, глубоко посаженным глазкам, на уродливый, вздернутый и немного расплющенный, как гнилая картошка нос, сползло на тонкие, ухмыляющиеся губы... Он разволновался, нужно держать себя в руках.

– Что это вы зажмурились, уважаемый Халид?

Зажмурился, вот как? Аль Хатеми почувствовал, что неуклонно краснеет, но ничего не мог с собой поделать. В конце концов, он заведовал космосом, а не политическими течениями, чтобы успешно изображать каменное лицо разведчика.

– Глаза устали, – ответил руководитель полетов. – Спать, знаете ли, приходится немного.

– К сожалению, в ближайшие дни отоспаться нам с вами вряд ли придется.

Аль Хатеми совершенно не заботило, что придется делать этому наглому варвару. А вот свои заботы он знал хорошо.

– Отзыв получен, все системы функционируют в штатном режиме.

Сообщение пришлось как нельзя кстати. Аль Хатеми очень хотелось прекратить бессмысленный и унижающий его разговор, но он никак не мог придумать, каким образом это сделать.

– Отлично, – отвернувшись от «дорогого» гостя, сказал руководитель полета в воздух: «балалайка» передаст его голос каждому из находящихся в зале. И гостю в том числе. – Корректировка орбиты на первом витке.

– Есть. Начало разгонного импульса через четыре минуты.

Халид кивнул, скорее, сам себе, ибо за его жестами в данный момент никто не наблюдал.

– Я так понимаю, у нас всё получается? – поинтересовался развалившийся в кресле варвар.

«Интересно, у кого это – «у нас»? У этого господина пока что хорошо получалось только зудеть под руку и мешать работать».

– Маневры планируется выполнить в штатном режиме, господин Бигглс, – не поворачивая головы, процедил сквозь зубы Халид.

Гость хмыкнул.

Двигатели отработали, как положено, груз достиг геоста-

ционарной орбиты. Четыре спутника ESA заняли положенные им позиции. Пятый аппарат, о котором и беспокоился гость, предстояло вывести в расчетную точку завтра.

– Кажется, всё прошло успешно, – не то с утвердительными, не то с вопросительными интонациями произнес гость, а Халид, наконец, понял, что тот просто-напросто плохо понимает происходящее в ЦУПе. Что ж – хороший повод отыгаться.

– В космонавтике ничего не кажется. Мы, знаете ли, в большинстве своем здесь агностики. Привыкли оперировать точными понятиями.

Отвечать, лежа лицом на твердом столе со связанными и задранными назад руками, было неудобно. Но приходилось. При попытке помедлить с ответом кто-то сильно дернул руки Микмака, отчего плечевые суставы затрещали, а на глаза выступили слезы. Нет, рыдать он не собирался, слезы текли самостоятельно.

Они хотели знать, где Ромеро взял то, что показывал им при встрече. Микмак не мог ответить на этот вопрос, тем более, что вообще не знал, что и когда Старик показывал этим солидным господам. Кстати, лиц солидных господ разглядеть он не успел – мощный удар в челюсть поверг Микмака на пол до того, как он успел присмотреться. А потом его уложили на стол Старика, выкрутив назад руки, чтобы не рыпался.

Судя по звукам, кто-то занимался компьютером Микмака. Скорее всего лохматый в джинсе. Хотя на ломщика или машиниста он похож не был – те чаще брили голову наголо. Возможно, «минус», но некоторые «минусы» в компьютерах разбирались неплохо.

– Так, значит, ты не знаешь, где Ромеро взял этот «бютен»? – в сто двадцать пятый раз повторил «солидный человек».

– Я даже не знаю, о каком именно «бютене» идет речь, –

снова попытался объяснить Микмак.

Ему не верили. Не было резона – им нужна информация, и они её найдут.

– Что там, Хармс? – вопрос был адресован кому-то из своих.

– Вот, последние данные. Восстановить удалось не всё: часть диска уже использовалась повторно. Похоже, что системными файлами, – ответил голос Хармса. Видимо, именно он возился с компьютером Микмака.

– И что же там было?

Микмак решил, что вопрос был адресован всё тому же Хармсу. Но, как оказалось, ошибся – резкая боль скрутила руки. Микмак тихонько взвыл.

– Ты страдаешь тугоухостью? – поинтересовался кто-то из громил.

– Нет... я просто не понял... Там было... Я даже не знаю... – Микмак лихорадочно придумывал ответ, попутно размышляя, с какой целью он пытается скрыть выброшенный в окно SSD-накопитель.

Хотя нет, на самом деле он, конечно же, понимал, для чего старался. Он просто тянул время, пытался разгадать намерения и планы захватчиков. На сами-то планы Микмаку плевать, но вопрос заключался в том, значится ли в них Микмак живым. Стоило постараться оставаться потенциально полезным.

На самом деле он вообще никак не мог понять, что здесь

происходит. Если «солидным господам» так нужно знать, где Старик взял какой-то хлам, который впарил им при первой встрече, так отчего было не спросить у него самого? Для чего понадобилось убивать Ромеро, чтобы теперь пытаться выяснить у Микмака то, чего он не знал?

– Я не знаю, о чем вы спрашиваете! – выкрикнул Микмак и добавил скороговоркой, чтобы у громил не успело возникнуть желания в очередной раз выкрутить ему руки. – На диске много информации, я не знаю, о каких конкретно данных вам рассказывать!

Он почувствовал, как чья-то пятерня почти нежно погладила его по голове, а потом ухватила за волосы и резко дернула вверх. Микмак ожидал, что хрустнут шейные позвонки, но, хоть и стало больно, никаких звуков позвоночник не издал. А вот горло перехватило.

Перед глазами плясали темные круги, но сквозь эту пляску Микмак успел рассмотреть то, на чем лежал – хаотическое нагромождение линий, в которых, если приглядеться, можно распознать грубо сработанную карту, и корявая рваная надпись: «ail d papillon». То есть Aile de Papillon – Крыло Бабочки, мыс к западу от этого места. Что там нашел Ромеро? Тот самый «бютен», из-за которого «солидные господа» отправили бедного Старика к праотцам? Впрочем, бедным Ромеро не был.

А мгновением позже на разрисованный Стариком лист упал компьютер, практически упершись Микмаку в лицо.

Глаза пришлось сильно напрячь, сведя их к переносице, чтобы прочитать открытые окна. Да, эти ребята точно знали, что ищут. Две из четырех сохраненных Микмаком меток сейчас парой десятков строчек текста маячили прямо перед его глазами.

– Вот это – что? – уточнил голос «солидного господина», и рука, держащая за волосы, исчезла. Микмак уронил голову на клавиатуру, измазав кровавой слизью, что сочилась из разбитых губ, монитор.

Компьютер грубо выдернули из-под лица; Микмак снова упал на лист с картой.

– Уделал всю машину, – недовольно высказался кто-то и ощутимо ткнул Микмака в бок.

– Ничего, протрешь, – возразили ему откуда-то сзади и справа.

Их здесь четверо. «Солидный», «минус» и два громилы в костюмах, которые, впрочем, не придавали им той самой солидности. Первый прямо за спиной, стоит почти вплотную, «минуса» можно вообще в расчет не брать, один из громил справа. А вот второй... «Что это он делает? Собрался вырваться на свободу? Глупые мысли и, главное, абсолютно бесполезные. Но вот зачем они убили Ромеро?»

Нужно отвечать, а то суставы могут не выдержать. И так связки растянуты донельзя.

– Данные с какого-то носителя. Наши подводники принесли, я его проверял! – не дожидаясь физических воздействий

на организм, выпалил Микмак.

– И что ты там нашел?

– Ничего не нашел. Вот эти метки и куча бесполезного кода. Обрывки, обломки – программный мусор. Накопитель четыре года в морской воде пролежал, что из него можно выжать?

– А зачем данные стирал?

– Так зачем они мне? Диск на компьютере не резиновый.

Ромеро с ними уже встречался. Могли взять его тогда же, а не тащиться сюда. Но не взяли и притащились. И самого Ромеро, который мог что-то знать, застрелили. Непонятно – действия законченных идиотов.

– Где сам носитель?

– Какой?

Резкий удар в область печени и рывок за связанные кисти. Чёрт, он же спросил совершенно неосознанно, просто задумался! Правда, стоит признать, сейчас для размышлений время не самое удачное.

– Не знаю. У меня в столе много всякого барахла лежит. Может, какой-то из них.

Зашуршали выдвигаемые из стола ящики.

На идиотов эти люди не походили. «Солидный» точно не походил, за остальных Микмак не поручился бы. Раз они убрали Ромеро, значит, он не был им нужен. Им нужно то, что подводники обнаружили на дне, а Ромеро, стало быть, ничего конкретного об этом «бютене» не знал. Не консуль-

тировался у экспертов, или те не смогли сказать Старику ничего вразумительного?

– Так он же эту инфу только что удалил! – недовольно взвизгнул голос того, кто занимался компьютером. Наверняка «минус».

«Солидный» вздохнул и отошел на несколько шагов. Шаги размеренные и громкие, так ходят люди, которые уверены в себе, в своем положении и вообще – в завтрашнем дне.

Микмак зажмурился, решив, что его сейчас будут бить. Наверное, очень сильно.

Но бить не стали. Только дернули за руки, снова вышибив из глаз слезу, и усадили на стул. Тот самый, на котором всего полчаса назад сидел Старик Ромеро.

Самого Ромеро – ни живого, ни мертвого – в офисе не было. Труп зачем-то вынесли.

Как следовало ожидать, перевернули всё вверх дном. Что они искали: какой-то конкретный «бютен» или информацию?

– Ладно, мне надоела наша невразумительная беседа, – произнес «солидный», неспешно, словно просто для того, чтобы занять руки, передергивая затвор «дыродела». Микмак успел заметить, что казенную часть украшала витиеватая не то гравировка, не то чернение. – Поговорим более предметно.

После этих слов Микмак больше не видел ни гравировки, ни хозяина красивого пистолета. Теперь все его внимание

занимало черное, кажущееся бездонным, отверстие ствола.

– Где вы нашли тот «бютен», что показывал мне Ромеро?

– Где-то у Крыла Бабочки! – выпалил Микмак первое, что пришло в голову. Черная оружейная бездна давила на нервы и мешала сосредоточиться. – Я точно не знаю, добычей «бютена» у нас занимается водолазная команда. Я работаю здесь, в офисе.

– Куда ты дел накопитель, с которого слил на свой комп эти метки?

– Выбросил. Откуда мне было знать...

Внезапный удар по лицу прервал тираду оправданий Микмака. Холодная сталь «дыродела» била больно. Глаз стремительно заплывал.

– Именно поэтому ты выбросил накопитель прямо перед тем, как мы вошли в ваш... офис? – «Солидный» брезгливо осмотрел помещение, которое назвал офисом. Назвал с сарказмом и с не меньшей, чем читалась во взгляде, брезгливостью.

Микмак сплюнул на пол набежавшую кровь и ощупал языком губу. Ерунда, зубы целы, а это заживет. Если успеет.

Теперь он увидел всех, находившихся в офисе. Насчет «минуса», как оказалось, Микмак ошибся – с компьютером работал один из громил. Как положено, машинист был лыс и умеренно татуирован по блестящей макушке, однако внешними данными ничем не отличался от второго здоровяка, который мучил Микмака. Собственно, функции лохматого

с разноцветными волосами, запакованного в драную джинсу, Микмак так и не понял.

– Что ты знаешь о метках?

«Солидный» не кричал, говорил спокойно и даже про-никновенно. Но почему-то от его слов начинали ныть зубы. А вот лохматый в джинсе нервничал, он ерзал на краешке стола, отбивая пальцами бешеный ритм по столешнице и то и дело посматривая в направлении потолка, словно оттуда к нему должны были явиться ангелы небесные или еще кто-нибудь в этом духе.

– Подводники притащили этот накопитель, – шепелявя, начал объяснять Микмак, – я прочел с него, что сумел, сохранил метки. Ромеро сказал что-нибудь слить с него, чтобы показать вам. Ведь это вы собирались покупать у Старика «бютен»?

Громила, замерший за спиной «солидного», шевельнулся, явно намереваясь врезать Микмаку по физиономии, но хозяин остановил его.

– Мы, – подтвердил он.

– Ну так... – Микмак на секунду запнулся, но договорил начатое до конца: – Денег не хватило?

Бить его не стали. Только «солидный» вскинул брови, а «минус» в джинсе шумно и с чувством расхохотался. Он смеялся до тех пор, пока в уголках глаз у него не показались слезы.

– То есть ты решил, что мы какие-то голодранцы, возна-

мерившиеся забрать силой то, что не можем купить? – хотнув еще несколько раз, спросил он.

– Что вам нужно?

На самом деле, тот факт, что прибывшие в офис люди не были голодранцами или бандитами, как говорили в старину, с большой дороги, только осложнял дело. С теми можно было бы договориться. Или как минимум было бы ясно, чего от них ожидать. А вот что нужно этим господам, Микмак пока понять не мог. Но совершенно точно, их очень интересует SSD-накопитель, так опрометчиво выброшенный Микмаком в окошко.

– Мирт, развяжи его, – кивнул «солидный» одному из громил.

Прочный пластиковый жгут, который стягивал запястья Микмака, рассекли ножом, не особенно заботясь о сохранности рук – мощное, покрытое каким-то специальным напылением (скорее всего обычный нож эти путы не взял бы) лезвие прочертило две глубокие царапины, тут же наполнившиеся кровью. Но ощущать себя свободным было приятно. Хотя Микмак прекрасно осознавал иллюзорность этой свободы.

– Скажи, ты когда-нибудь видел такое?

«Солидный» господин подвинул к столу, перед которым сидел Микмак, табурет и опустился рядом с пленником. В его руках появился планшет, экран повернут в сторону Микмака.

На яркой, сделанной солнечным днем, фотографии большую часть занимало пронзительно голубое, кажущееся каким-то бездонным небо. Лишь внизу – узкая серая полоска бетона, слегка разбавленного яркими пятнами зелени, на котором высились три белых цилиндра, украшенные красной окантовкой сверху и снизу. Размер цилиндров определить трудно, так как сравнить их было не с чем – фотограф не озаботился поиском красивых или хотя бы просто удачных видов, – но если эти зеленые пятна являются кустами, а не травой, то высотой сооружения никак не меньше пяти-шести метров.

Рука доведенным до автоматизма движением вытянулась, и палец чиркнул по экрану, чтобы листнуть следующую фотографию в альбоме. Микмак непроизвольно сжался, ожидая удара, но «солидный» не возражал.

На планшете появилось новое изображение: четверо улыбающихся во весь рот мужчин на фоне какого-то полуразобранного агрегата. И такое же яркое, слепящее даже на фотографии, небо.

– А это?

– Нет, – помотал головой Микмак.

Людей, изображенных на фотографии, он никогда не встречал. И не видел на других фотографиях. А вот местность оказалась знакомой. Не то, покрытое растрескавшимся с лезущей из всех щелей зелени бетоном, пространство, а фон – на фоне за оградой густой и сочной расти-

тельности торчала верхушка «Воды и неба» – самого высокого небоскрёба Марселя. Еще того Марселя, настоящего Анклава, а не его недоразвитого потомка под названием Марсель-нуво. Облицованная специальными стеклянными панелями громада полуторакилометрового небоскреба была построена так, что казалось, будто в небо поднимается столб чистейшей морской воды. На то, что вода именно морская, намекали просвечивающие сквозь волнистые стеклянные стены голограммы обитателей средиземноморских глубин. Теперь тонны стекла, некогда создававшие красоту «Воды и неба», покоились в воде настоящей.

– Вы хотите найти «бютен» из того, что за спинами этих людей? – догадался Микмак.

– Можно и самих людей, – усмехнулся «солидный».

– Нет, я никого из них не знаю. И никогда не видел.

– Ты запоминаешь всех, кого видел?

– Нет, конечно. Этих не помню.

А ты посмотри внимательней.

Разве что... Планшет от него отодвинули. Но Микмак заметил... или показалось? На фотографии были еще люди. Сразу он не обратил внимания, потому что они были далеко и в фокус объектива не попали – несколько размытых пятен. Но в одном из этих пятен Микмак (или все-таки показалось?) заметил знакомые черты. Если бы не размытость, то, вероятно, смог бы даже сказать, кто это.

Микмак с трудом удержался, чтобы не дернуться следом

за планшетом. «Солидный» мог понять, что его что-то заинтересовало в фотографии. А ведь этого не нужно Микмаку?

– Итак, – официальным тоном, торжественно встав, словно в зале суда, начал «солидный», – вернемся к нашей теме: куда ты дел поднятый со дна накопитель?

Микмак повертел головой, соображая, как правильно ответить этому... господину. Он все еще пытался понять план его действий – пока варианты не сходились в логически устойчивую картину. Вопрос, для чего они убили Ромеро, оставался открытым. И, кстати, куда подевался Искандер? Или его они тоже?.. Ведь точное место погружений знает только начальник подводников. Или знал?

– Не знаю я. Честно, не знаю.

– Тут у него много барахла, в том числе накопителей, – подал голос бугай с татуировками на башке. Последние полчаса он активно перетряхивал содержимое стола Микмака, – но меток нет ни на одном из них.

– Ты уже всё проверил?

Громила выдернул из подключенного к «раллеру» привода накопитель и, подняв его в огромной ладони, кивнул:

– Теперь – всё.

«Солидный» повернулся к Микмаку. Он молчал, только вздернутые брови и разведенные в стороны ладонями вверх руки говорили лучше языка.

Микмак пожал плечами.

– Скажи, а зачем ты нам тогда нужен, если ничего не зна-

ешь?

– Но...

Только его оправдания никому здесь не были интересны. Это вообще глупо – оправдываться.

– Вот Ромеро тоже ничего не знал. Притащил нам обросшую ракушками железку, сам не ведая, что несет. А потом оказалось, что места, где её нашли, показать не может, что было рядом с железкой, тоже не знает. Точнее, сам-то «бю-тен» он, конечно, видел, но совершенно не имел понятия, что это и куда его можно применить.

– Но ведь он вышел на вас, – зачем-то прошептал Микмак.

– Да нет, уважаемый капрал Микаэль Маклин, это мы на него вышли, – возразил «солидный», наклонившись к самому лицу Микмака. – Так, где накопитель? Или то, куда ты слил все данные. Или ты помнишь все данные наизусть?

«Солидный» наклонился так, что его лицо оказалось точно напротив лица Микмака. Капельки слюны брызгали на лоб с каждым словом, но Микмак старался не морщиться и не моргать.

– А, может быть, ты знаешь больше того, что осталось на том SSD?

Подумай, может ты должен что-то помнить?

Секундное удивление, откуда они могли узнать его имя, тут же исчезло – они наверняка просканировали его «балалайку». Или вообще подключали её к своему «раллеру» – в чипе про Микмака все написано. Если не вдаваться

в подробности. Но внутренний голос тут же подсказал, что странным было не обращение по имени, а упоминание воинского звания, в котором Микмак служил во внутренних войсках Баварского султаната.

– В окошко выбросил, – вздохнув, честно признался Микмак.

«Солидный» усмехнулся. Он, похоже, по жизни весельчак.

– Тогда поднимайся и иди на берег. Не найдешь – пристрелю.

Микмак верил, что пристрелит. Он вообще был уверен, что пристрелит в любом случае. Но на крутом берегу, изрытом скальными щелями и многочисленными гротами, явно больше шансов уцелеть, чем здесь...

– Почему мы не пошли по Маиселовой? – спросил Микмак у лейтенанта, когда понял, наконец, что они идут по неудобному маршруту и притом закладывают крюк метров в сто.

– Они перекрыли подступы к Староновой синагоге, улицы отлично простреливаются. А сюда они не ходят. Разве что по нужде.

Микмак хмыкнул. Он уже дважды наступал в свежий источник вони, стоявшей в этом месте.

Перед глазами появилась пиктограмма, приказывающая бойцам остановиться. Микмак замер, осматривая пространство перед собой. Тихо, на фоне белого забора на древние

камни медленно планировали два зеленых листа, неведь по какой причине сорвавшиеся с веток.

– Действовать придется аккуратно, – сообщил лейтенант. – В синагоге сепаратисты захватили группу туристов...

– Туристов?! – изумился кто-то из бойцов.

Микмак испытывал не меньшее удивление, чем подавший голос Хагри.

– Откуда здесь туристы?!

– Откуда мне знать? – ответил лейтенант. – Поступили сведения. Улицы блокированы – к синагоге уже пытались подойти. Террористы отлично вооружены и ответят шквальным огнем на нашу атаку. Наша задача...

В подтверждение слов лейтенанта из-за невысокого забора раздался гулкий грохот, листва на деревьях вздрогнула, и вниз полетела целая ватага зеленых планеров. Микмак почувствовал, будто кто-то пощекотал его между лопаток, лейтенант рефлекторно пригнулся. Идти за этот забор очень не хотелось. Уж лучше здесь нюхать дерьмо.

– Короче, выносим забор вон там. – Командир взвода показал, где. – Под огневым прикрытием пересекаем Маиселову и врубаемся в синагогу. Место, где делать в синагоге дырку, я покажу. Всё ясно?

Что ж тут неясного? Вышли на перекресток, поработали чуток мишенями, потом те, кто успел добежать, ныряют внутрь старого тесного здания и стреляют во всё, что движется. Нет, не во всё – там же какие-то туристы. В конце

концов, Прага является частью Баварского султаната, и беспокойства в нескольких её районах – еще не повод закрывать город для желающих полюбоваться его красотами.

Как же они могли попасть в зону боевых действий?!

Лейтенант замер на несколько секунд. Указательный палец его правой руки активно елозил по цевью автомата – он вносил свои корректировки в присланный начальством план операции. Потом загрузил индивидуальные планы в «балалайку» каждого бойца и скомандовал: «Пошли!»

Рядовой Чаглар резко вскинул полагавшийся ему по штату «Ари», РПГ коротко кашлянул, и стена, мгновенно покрывшись паутиной трещин, рухнула наружу.

Перед глазами маячили яркая стрелка, обрисовывающая персональный маршрут бойца, и пляшущий в поисках живой мишени целеуказатель. Микмак прыгнул в дыру и, что есть сил, побежал туда, куда показывала стрелка. Вот неровная, будто помятая стена Староновой синагоги с наглухо закрытой темной дверью. Вот Чаглар, едва высунувшись из пробитой им дыры в заборе, закладывает второй снаряд в дверь. Тяжелое прямоугольное полотно с закругленным верхом мгновенно срывается с петель и вместе с приличных размеров куском стены исчезает в полумраке синагоги. Путь открыт.

До здания добрались без потерь. Все целы.

Микмак перепрыгивает через груды осыпавшейся со стен синагоги штукатурки, рефлекторно рыская из стороны в сто-

рону, чтобы противнику было сложнее целиться, оказывается внутри. И вдруг понимает, что здесь слишком тихо. Шум создают только бойцы его взвода. Никакого шквального огня на улице, как обещал лейтенант, не было. И внутри террористов не видно.

Зато видны заложники – впереди, прямо перед Микмаком под выбелившим всё вокруг слоем пыли лежат четыре тела. Из-под белого явно проступают багрово-красные мазки.

И вот тут началось нечто странное.

Ночью звуки становились другими. Вроде бы те же самые – стук металла, шорох щебня под ногами, приглушенные расстоянием и стеной городские шумы, – но всё же другие. Лёшка был уверен: он легко сможет узнать день сейчас или ночь, не пользуясь зрением, если послушать звуки, любые, без разницы.

– Заснул, что ли? – стараясь не шуметь, прошипел напарник.

Лёшка стоял в вагоне, заваленном какими-то тюками из скользкой синтетической рогожки. Очень тяжелыми. Что пряталось внутри грязно-серых мешков, Лёшка не знал. Его дело – выгружать.

– Сейчас, вытащить нужно.

– Давай уже, замерз тут ждать тебя. Так и на патруль нарваться недолго.

На самом деле полицейский патруль большой опасности не представлял. Полицейские на товарной станции давно прикормлены Мирзаманом и сделают вид, что ничего не заметили. Есть, конечно, вариант нарваться на новичка. На наглого или тупого – нормальные люди, будь они хоть трижды полицейскими, понимают, что у всех есть крыша и терпеть её без особой на то нужды не стоит. Так что тащить в обезьянник их не будут, максимум – придется вызванивать

Мирзамана. Хотя чертов чурка не любит, когда его по ночам беспокоят.

Руки тянули изо всех сил. Сил в них, надо признать, было немного. Мешок за что-то зацепился и никак не желал сдвигаться. А нужно выгрузить еще три.

Лёшка работал на вокзале трижды в неделю. Ночами. Называлось это работать грузчиком, его даже официально зарегистрировали в какой-то виртуальной фирме, оформленной на неизвестного Лехе человека, которого он в глаза никогда не видел. Скорее всего бедняга и не подозревал, что является директором этой сомнительной конторы – обычная практика: немного возни с электронными базами данных МВД, пара-тройка «взносов» знойным барышням в налоговой службе, и готово дело. Попробуй потом докажи, что из родного Бобруйска ни разу в жизни не выезжал.

Но на самом деле Лёшка прекрасно понимал, что никакие они не грузчики, а самые что ни на есть настоящие воры. Причем мелкие и лишенные всяческой перспективы в жизни.

Мирзаман обычно давал четкие указания, из какого вагона сколько брать. Отвозили на тележке всегда в одно и то же место. Мирзаман его называл складом. При складе работал «кладовщик» – дядя Коля. Это он так велел называть его. На «дядю» этот громила с проломленным в далеком прошлом носом, прорехами вместо нескольких зубов и огромными кулачищами походил мало. Он больше напоминал киношного

уголовника или сбежавшего из психушки маньяка.

Но как же вытащить этот мешок, пропади он?! Лёшка дернул несколько раз, руки соскользнули, и парень растянулся на пыльном полу вагона. Хорошо, не вывалился наружу – падать на бетон с высоты подножки особого желания не было.

– Ты сегодня вообще работать собираешься? – зашипел напарник.

– Сейчас, сейчас. Застрял мешок. Сейчас вытащу.

Но Мирзаман, хоть и был сволочью, платил неплохо. Если сравнивать с зарплатой за легальную работу, которую Лёшке удалось найти. Во всяческих закусочных, чайханах и дастарханах предлагали втрое меньше. А рабочий день, как положено, восемь часов. Не нравится – желающих море.

Здоровенный тюк наконец-таки отцепился и поехал с горы своих собратьев вниз. Лёшка тащил его вбок, но все равно мешок свалился на ногу. Правая голень онемела, наступать на ногу было больно.

– Держи, – тихонько сказал в проем двери Лёшка и стал понемногу подавать мешок к выходу.

Ему не нравилось то, чем он занимался. Ему было противно и мерзко ощущать себя вором. Но бабушка заболела, и ей требовалось лечение. Нормальное лечение в нормальной клинике. В платной, а не в той, где лечат по медицинскому полису.

Напарник, принявший тяжеленный мешок, крикнул и с грохотом уронил его на тележку.

– Смотри, охрана на шум набежит, – Лёшка не преминул «вернуть должок».

– А ты держи мешки лучше, когда подаешь, – огрызнулся напарник.

Как зовут второго сегодняшнего «грузчика», Лёшка не знал. Он вообще не любил заводить шапочные знакомства. По большому счету, и в Университете у него не было друзей. Так, приятели, которым он приятен, похоже, на самом деле и не был. Если уж начистоту – так же, как и они Лёшке.

Доктор сказал, что у бабушки болезнь Альцгеймера. Мозги потихоньку разрушались. И с каждым днем это становилось все заметнее. Доктор и не тешил надеждой, так и сказал – сначала будет говорить невпопад, потом делать непонятно что. Дальше будет только хуже – совсем скоро он обещал, что бабушка начнет ходить под себя, причем не потому, что не сможет дойти до туалета, а потому что ей будет все равно. Как младенцу.

Болезнь Альцгеймера в нынешний просвещенный век излечима. Только в государственную программу это лечение не входит. «Ты не расстраивайся, – сказал врач, – оно и раньше, до Катастрофы, не входило в список. А теперь... теперь, сам понимаешь, самые простые лекарства на вес золота. Точнее, на его цену». Это Лёшка прекрасно понимал, болеть во все времена дорого. Но почему его должен подбодрить тот факт, что и до Катастрофы бабушкину болезнь лечить было не дешево, он не понял.

Лёшка сходил в клинику. В ту самую, визитку которой выдал доктор. В клинике визитку посмотрели, пожали плечами и назвали сумму. Сказали, что это плата за первичный курс, а могут потребоваться и последующие. В худшем варианте, сказала унылая девица в регистратуре, нужна пожизненная терапия с регулярной настройкой нанов.

Да, болезнь Альцгеймера лечили нанами. Лёшка потом почитал в Сети. Наны латали поврежденную нервную ткань, останавливали процесс разрушения. Они следили за химическим балансом и чем-то еще там, в мозгах. То, что не удалось восстановить, наны замещали собой. Насколько это было возможно. И для слаженной работы микророботов требовалась тщательная настройка, которая тоже стоила отдельных и очень немалых денег. Круг замыкался: хочешь жить – плати.

Лёшка выдернул из кучи очередной мешок и сгрузил его вниз напарнику. Сообщнику, если называть вещи своими именами.

Не стоит себя обманывать. Денег, которые он зарабатывает воровством для Мирзамана Мирзоева, все равно не хватает на лечение. Даже на первичный курс. Только если продать квартиру – суммы, вырученной за бабушкину каморку, в которой они жили третий год, совершенно точно должно хватить на первичный курс и даже, возможно, на один повторный. А если потребуется еще? А эта самая настройка нанов, которая тоже не три рубля стоит? И самое главное – где

в таком случае им с бабушкой жить? Именно им с бабушкой. Сам-то Лёшка как-нибудь перекантовался бы, а вот, что делать с бабушкой, не знал.

Хотя, где и как перекантовался бы он сам, Лёшка тоже представлял очень смутно. Точнее, вообще никак. Короче, вариант с продажей жилья был как бы и не вариант, а так — мысли отчаяния, которые вряд ли дойдут до действия.

Мешки, которые они таскали из поездов, всегда были одинаково большие и одинаково тяжелые. Лёшка не знал, что внутри них, да и Мирзаман действительно не рекомендовал любопытствовать. Как-то один из напарников, паренек, по имени Жорик, разрезал мешок. Внутри лежали какие-то непонятные не то бруски, не то небольшие коробки. Их там было много. Но коробки Жорик открыть не сумел. Чем закончилось дело с разрезанным мешком и что хранилось в тяжелых, похожих формой и размером на кирпичи металлических коробках, Лёшка так и не узнал. Только Жорик больше не появлялся на ночных работах. Возможно, просто не совпадал по сменам с Лёшкой, но желание узнавать, что спрятано внутри, тот случай отшиб полностью.

Понятно, в мешках что-то ценное. Иначе зачем столько платить пацанам, которые их таскают? Ясно же, что «грузчикам» перепадает, в лучшем случае, десятая часть стоимости украденного, а то и меньше. Вот если бы работать без Мирзамана, то денег наверняка хватит и на лечение, и вообще на нормальную жизнь...

Только это утопия. Не то, что можно работать без Мирзамана – вон, сколько составов стоит и в каждом что-нибудь да найдется. Проблема в другом: украсть-то можно, только куда потом девать награбленное? Вот Мирзаман – деловой человек, он и руководит процессом. А Лёшка – мелкая сошка и должен знать свое место.

Последний мешок дался особенно тяжело, да и травмированная нога изрядно болела.

Домой Лёшка пришел только под утро. Бабушка не спала, однако на появление внука в столь поздний час (или, скорее, ранний) никак не отреагировала. Теперь она часто ни на что не реагировала. Дальше будет хуже, и, что самое отвратительное, обрисованные доктором перспективы особых сомнений не вызывали.

Спать уже не хотелось. Хотелось поесть и помыться. Сначала помыться. Как обычно, экономя воду, потому что коммунальные услуги, снабжение которыми слишком часто давало сбои, дорожали день ото дня.

После душа в голове немного прояснилось, но настроение оставалось таким же поганым.

Из-за горизонта, с противоположной от Финского залива стороны, отлично видного отсюда, с высоты двадцатого этажа, рвалось вверх солнце. Оно еще не показалось из-за торчащих, словно обгорелый лес, серых, покрытых городской копотью бетонных многоэтажек, но небо уже раскрасилось во все оттенки бордового и оранжевого, напоминая поджа-

ренный стейк с кровью.

Это все от голода – какой такой стейк может напоминать восход солнца?

Стейков не было. Была только предпоследняя упаковка синтетического супа, уже опостылевшего за несколько недель кряду. Нужно купить хотя бы соевые котлеты, все ж какое-то разнообразие.

В Университет Лёшка прибыл за пятнадцать минут до начала занятий. Синтетический суп, обильно сдобренный, вероятно, синтетическими же и весьма едкими специями, настойчиво пробивал дорогу во внешний мир в виде мощной «ароматной» отрыжки. Спать совершенно не хотелось, даже появилась какая-то ненормальная бодрость и ясность ума. Кто-то из однокурсников поинтересовался, какую траву курит Лёшка.

На лекциях усталость взяла свое. Лёшка честно пытался вникнуть в объяснения профессора, но ничего не получалось. Звуки словно бы проходили сквозь слой ваты, прежде чем добраться до Лёшкиных ушей.

– Эксперимент, предложенный Джоном Беллом в 1964 году, был впервые практически осуществлён Фридманом и Клаузером в 1972 году, а затем многократно повторен разными группами исследователей, – слышал Лёшка сквозь пелену, все больше застывшую взор. – Во всех таких экспериментах неравенство, выведенное Беллом, нарушалось. Это доказало, что никаких скрытых параметров не существует.

Случайность победила... Послушайте, студент! Да, вы, вы.

Лёшка вздрогнул, на пол полетела сумка, из которой с грохотом вывалился компьютер. Не повредился? Нет, вроде бы все цело.

– Вы долго собираетесь по полу ползать?

Получалось неудобно. Плохо получалось. Сейчас влепят пропуск, а пропуск это опять же деньги, это отработка и очередной минус в рейтинговую карту. Нельзя ему минус, никак нельзя. Во что бы то ни стало – закончить Университет. Тогда есть какая-то надежда, тогда...

– Я вас слушаю, студент.

Профессор желал знать, чем таким важным занимался Лёшка ночью, что теперь не имеет возможности внимать интереснейшей истории о неравенстве Белла.

– А вы в курсе, что ваш компьютер – тот самый, что вы так нежно прижимаете к груди – создан на основе технологий, которые удалось разработать только благодаря фундаментальным знаниям. К подобным знаниям, в частности, относится и изучаемое нами сегодня неравенство? Заметьте – нами, не вами.

Выглядел Лёшка сейчас, наверное, глупо. Он ловил продолжающий выскальзывать компьютер, стараясь запихнуть его в открытую сумку. Но в сумку тот не лез, как оказалось, Лёшка держал её вверх ногами.

И, что самое обидное, он прекрасно разбирался в принципе работы современных компьютеров, да и о неравен-

стве Белла тоже кое-что слышал. Наверняка профессор знал больше. Да и по содержанию лекции Лёшка не знал всего. Только о том, о чем просил профессор, он знал. Но не мог же он вот так нагло и дерзко высказаться, что, мол, разумеется, знаю. Не мог.

– Что ж вы молчите?

Из аудитории доносились смешки. Сокурсники Лёшку недолюбливали. Собственно, они вообще не обращали на него никакого внимания. Да и он не баловал окружающих ответными чувствами.

– Извините, – промямлил он.

– Надеюсь, вы больше так не будете, – коверкая голос на манер разговора трехлетнего ребенка, ответил профессор. – Садитесь!

На задних рядах заржали. Как лошади в стойлах.

– Продолжим, – сказал профессор. – Первое, что вам стоит уяснить, ничего смешного в неравенствах Белла нет.

Как шел на собрание, Лёшка не помнил. Ноги промочил так, что хлюпало в ботинках. Видимо шел, не разбирая дороги, прямо по лужам. Повинуясь инстинктам, а инстинктам на лужи плевать. Но дорогу, как выяснилось, Лёшкины инстинкты знали хорошо.

В пустом темном коридоре Лёшкины шаги гулко вторились эхом из-под потолка. Даже в эхе ощущалась сырость и хлюпанье.

В старом спортзале с прогнившим и местами даже прова-

лившимся полом собралось уже человек двадцать. Свободные маты еще не закончились, поэтому Лёшка выбрал из груды один и притащил его в дальний угол, поближе к стене. Он не любил широких просторов, терпеть не мог быть на виду.

Мат тоже был влажным, и от него сильно разило плесенью. Лёшка немного поерзал на упругой поверхности замерзающей задницей, потом сообразил подложить сумку, из которой уже вытащил компьютер.

В теплой куртке в зале было жарко. Лёшка расстегнул молнию и скинул отороченную искусственным мехом одежду. Потом залез за высокий воротник свитера и вытащил оттуда серебристый медальон на пластиковом шнурке – маленький человечек, самоотверженно несущий на спине ноль.

Перед глазами появились цифры. Только нули и единицы. Строчка за строчкой, они сливались в хоровод, уносящий сознание не то чтобы далеко, а куда-то вглубь. Началась сегодняшняя молитва, а с возвышения в центре у окон раздался голос Коннектора, тут же повторенный «балалайкой» внутри головы. Пришло время узнать сегодняшнее задание.

Лёшка поднял крышку компьютера, система загрузилась через несколько секунд. А еще через мгновение, после того, как открылось окно сети Обители Цифры, перед ним появилось личное сообщение, которое заставило Лёшку забыть и про молитву, и про проповедь Коннектора, и про задание.

Чего хлопаешь глазами, это ведь просто надпись на экране?

На экране значилась сумма. Большая до неприличия. И только один вопрос: «Хочешь получить эти деньги?»

Лёшка повертел головой, пытаясь по внешнему виду вычислить того, кто уже во второй раз сломал его защиту и вторгся внутрь виртуального пространства его компьютера. Нет, это бессмысленное занятие – сидят, уткнувшись в компы, у всех лица подсвечены мертвенным электрическим светом снизу, что делало людей похожих на каких-то мифических призраков или живых мертвецов. И сам Лёшка выглядел точно так же. Собище зомби, читающих двоичный код.

Спохватившись, Лёшка сжал пальцами медальон, словно опасаясь кары вымышленных сетевых богов, и тут же устыдился своей секундной слабости. Ерунда какая, атавизм. Цифра есть порождение разума, а не иллюзорный мир, навязанный человеку фантазией и животными страхами.

Ответ на заданный неведомым ломщиком вопрос мог быть только один. Однако существовало слишком много «но».

Пальцы Лёшки легли на клавиатуру и быстро забегали по клавишам, набирая программный код.

Дым Джоу увидел еще за пару кварталов, но не придавал значения черному мареву, медленно расползающемуся по небу со стороны моря.

Несмотря на довольно ранний час на улицах Марселя-ну-во былолюдно. И людские массы выражали явное беспокойство. Это Джоу понял после, в те минуты, когда шел по Авеню де Мер, он не замечал ничего, кроме яркого весеннего солнца, маячившего точно перед ним в проеме между домами.

Он шел в «Раковину русалки», чтобы узнать, о чем вчера говорили люди. Послушать лично не удалось – появились дела. Вечером в заведении Лучано собиралось много народу, причем, как правило, людей не самых бедных. Джоу нужна была информация. Ну и завтрак тоже, само собой.

В третьем доме от моря на Ру Орор ни завтрака, ни информации предложить ему не смогли. «Раковины русалки» больше не существовало. Только дом, черный от копоти, окруженный грязными лужами – пожарным удалось справиться с огнем – и кучкой головешек, бывших еще вчера верандой, выстроенной руками талантливого кулинара Лучано Минелли.

Несколько человек, облаченных в помятую серую форму, лениво копались на пепелище. Местные безы, Служба без-

опасности Анклава Марселя-нуво.

Безы смотрелись жалко: они явно не знали, что нужно делать. Да и безами они никакими не были – обычные уголовники, работающие под крылом крышующего весь этот муравейник Франсуа Мажида. Хотя, по большому счету, от настоящих безов, из настоящей СБА, эти отличались разве что уровнем образованности. Естественно, в худшую сторону.

– Что здесь случилось? – спросил Джоу у беза, с интересом высматривающего что-то среди еще дымящих углей, и заставил себя добавить: – Офицер.

«Офицер» – во всяком случае, погоны на нём были капитанские – поднял на Джоу ленивый взгляд. Глаза пробежались по одежде Джоу и, видимо, не найдя в ней ничего для себя интересного, вернулись к лицу.

– Пожар, – объяснил очевидное без и с отвращением сплюнул в мокрую остывающую золу под ногами.

– Никто не пострадал?

– Нет, – почти не открывая рта, промычал офицер.

Джоу уже приготовился к худшему, и после слов беза на душе сделалось немного спокойней. Хотя восстановить репутацию Лучано вряд ли удастся.

Но капитан уничтожил надежду выстрелом в упор:

– Только хозяин с семьей. Что-то они, видно, не поделили с соседями. – Он пожал плечами. – Хотя господину директору этот... – Мимолетный едва уловимый прищур: офицер прочитал файл из базы данных, загруженной в «бала-

лайку». – Минелли выплаты сдавал исправно. Все внесено в срок.

– Их убили?

Без отшвырнул остроносым ботинком головешку и медленно побрел к дому. Там уже возилось двое его коллег. Джо пошел следом. Сзади подъехал еще один мобиль Мажида с надписью «СБА» на борту и гербом Анклава Марсель, перечеркнутым словом «нуво», а вывалившие из него безы резво окружали пострадавшее здание ярко-желтой лентой с надписью, призывающей «ни пересекать».

– Скорее всего. Трупы в доме лежат, а там почти ничего не сгорело. Пожарные быстро приехали. Вряд ли они угорели. Наверное, их убили, а потом подожгли ресторан. Ну, знаете, чтобы следы замести.

– Угу, – промычал Джо.

Он знал. Как знали подобное все. Он уже не слушал банальности, выдаваемые безом за верх профессиональных знаний, потому что увидел все сам.

Нет, он не видел ни тела Лучано, пытавшегося защитить свою семью, ни Анжелики – изнасилованной, растерзанной, зарезанной – или что еще они могли с ней сделать? Нет. Он видел только измазанную копотью и чем-то густым и темным руку, которая торчала из проема двери. Остальных частей тела видно не было, труп лежал внутри дома, и только кисть руки с красивыми тонкими пальцами, словно сломанная ветка, свешивалась с крыльца. Рука Беаты.

Джио остановился, будто его парализовало. Ноги отказывались идти, тело не подчинялось. Беатриче, девочка... Только вчера он видел ее, умилялся девичьими проделками, любовался попкой, обтянутой короткой юбкой... Это было всего лишь вчера! За что? В чем она-то виновата?!

Недалеко от входа, среди углей что-то блеснуло, отразив в глаза Джио красно-оранжевый свет утреннего солнца. Это был медальон. Вчера он видел эту безделушку на груди Беаты. Джио наклонился и взял медальон в руку.

– Выйдите, пожалуйста, отсюда!

Джио понял, что просьба, которую чей-то голос повторяет уже не в первый раз, относится к нему. Только что приехавшие безы, опутавшие место происшествия желтой лентой, выгоняли с пепелища зевак. И его в том числе. Но ведь он не просто пришел поглазеть, он...

А что он? Родственник, свидетель?

Джио быстро засунул медальон Беаты в карман, стараясь, чтобы движение не заметили безы – иначе придется вернуть, всё, что лежит на месте преступления, является вещдоками, – и поспешил покинуть огороженную площадку.

Подоспевшее подкрепление смотрелось бодрее той тройки, что сновала здесь с самого начала. Видимо, Мажид постепенно подбирал относительно квалифицированные кадры, и олухи, подобные разговаривавшему с Джио офицеру, работали только на должностях патрульных.

Кому мог насолить Лучано? Мягкий, даже добрый чело-

век? Он никому не сделал ничего плохого, с конкурентами и то старался все вопросы решать мирным путем, договариваться. Не договорился?

Здесь же кроется совсем другая причина. Согласись, ты же понимаешь, о чем речь.

Меньше суток назад Джоис искал отсюда данные по той безделушке, что и сейчас лежала в кармане. Что он хотел найти и для чего вообще искал упоминания этого странного слова в Сети?

Кто-то внутри, кто-то посторонний, зудел, подсказывая правильный, на его взгляд, ответ. Нет ничего в этом ответе правильного, отрезал сам для себя Джоис. Ничего он не знал, ничего такого не предвидел.

Ты же вспоминал о Вилли.

Мертвая, измазанная засохшей кровью, рука Беаты стояла перед глазами. Наваждение не желало исчезать, да и не было оно наваждением: достаточно сделать десяток шагов, поднырнув под ядовито-желтую ленту, и наваждение станет реальностью...

– Мама, а что ты делаешь? – тоненький детский голосок начинал срываться на плач.

Вильгельмина не получала ответа уже в четвертый раз. Её мать была увлечена работой: она смотрит на свое творение и не может оторваться.

– Вилли, не трогай маму, она занята. – Он пытается увести дочь, но девочка начинает хныкать. Теперь поток слез не

остановить.

– Оставь ее, – говорит Джоконда.

В голосе на самом деле укоризна, или ему только кажется? Ему теперь вообще слишком часто что-нибудь кажется. Потому что скоро всё должно закончиться, а он не знает, как тому помешать.

– Вилли, иди ко мне.

Он присаживается, чтобы стать с дочерью одного роста, и протягивает к ней руки. Но Вилли надувает губки и мотает головой из сторону в сторону. Она не хочет идти к отцу.

И ты знаешь, что она поступает правильно.

Он улыбается и гонится за ней на четвереньках. Вильгельмина хохочет, убегая, и тут же забывает недавнюю обиду.

Незарегистрированный коммуникатор невозможно вычислить, нельзя узнать, кто им пользовался и о чем шел разговор. Но вот откуда производилось подключение, выяснить, насколько понимал Джио, можно относительно легко. А если знать сервер, через который коммуникатор выходил в сеть, значит, – чисто теоретически – можно найти в логах этого сервера информацию, о чем производился запрос. Вероятность малая, но она есть. Особенно если кто-то намеренно искал именно эту информацию.

Джио опустил руку в карман и нащупал прохладную змейку металлической цепочки, на которую был подвешен принесший несчастье гаджет. Выбросить? Какой смысл? Если гаджет ищут, то Джио в покое не оставят. Странно, что он

вообще до сих пор еще жив. Что они хотели узнать у Лучано? Ведь убийцы наверняка задавали вопросы перед тем, как всех их убить. Или они просто убирали свидетелей?

Рука Беаты...

Лучано они наверняка убили последним. После того как заставили его рассказать все, что он знал и о чем мог только догадываться. Возможно, незарегистрированным коммуникатором у Лучано вчера пользовался не только Джо. Если так, то до него просто еще не дошла очередь. Ему просто-напросто повезло.

В голове стоял какой-то туман. Но соображали мозги хорошо и, казалось, без участия самого Джо. Он немного пришел в себя только спустя минут десять, обнаружив, что уже давно не стоит возле пепелища, бывшего еще вчера ресторане натуральной морской кухни «Раковина русалки», а довольно бодро шагает по мощенной камнем улице туда, где располагается главная достопримечательность Марселя-нуво – сохранившийся почти в целостности транспортный узел старого Марселя. Власти Эль-Парижа всячески поддерживали, в том числе и финансово, начинания новоявленных местных властей – дороги, которые до Катастрофы вели в Анклав Марсель, сегодня оставались единственной связующей нитью центра страны с юго-восточными провинциями.

Правильно, домой заходить нельзя. Там наверняка уже побывали люди, убившие Лучано. Надо думать, перевернули все вверх дном. Не важно, о доме в Марселе-нуво можно за-

быть, теперь это не его дом. И сожалеть об испорченных кем-то вещах нет никакой необходимости. Теперь нужно думать, как жить дальше. И что делать со злополучным «бютеном».

В полукилометре от транспортного узла Джио остановился. Под ребрами кололо от быстрой ходьбы, дыхание сбивалось, на лбу выступила испарина. Ему всего-то тридцать семь, а уже стал разваливаться, как старая калоша. Или дело вовсе не в возрасте?

Джио оглянулся, оценив взглядом пройденный только что путь. Улица поднималась довольно круто вверх, если бежать так, как только что бежал он, запыхаться немудрено и пятнадцатилетнему пацану. Для чего он бежит? Куда?

Скорее уж, откуда. Но ведь ты хочешь, чтобы было еще и «зачем». Ведь хочешь же, признайся, ты ждал этого шанса все эти годы.

На самом деле нет никакой уверенности, что Лучано с семьей пострадал именно из-за незарегистрированного коммуникатора, которым пользовался Джио.

Нет уж, называй вещи своими именами.

Ладно, из-за того «бютена», что сейчас лежит в кармане Джио. Из-за небольшой, обернутой в мягкий черный пластик электронной безделушки, назначение для которой придумать довольно сложно.

Это другим сложно, не тебе.

Он ведь просто так решил. Никто не угрожал, никто не спрашивал об этом «бютене». Но и исключить подобное

нельзя.

Джио поймал себя на том, что, немного отдышавшись, продолжает медленно брести в сторону транспортного узла. Он принял решение, оно не подлежало обсуждению. Просто вдруг засомневался, попытался увидеть дело с другого, непредвзятого ракурса.

В конце концов, что его держало здесь, в Марселе-нуво? Дом, собранные за почти четыре года вещи, работа? Нет. Это все было тщетным, бессмысленным бытием, не позволяющим окончательно исчезнуть в собственных воспоминаниях и сомнениях. От всего этого Джио избавился бы без особого сожаления. Он и шел в транспортный узел избавляться. Именно поэтому он принял столь поспешное решение и тут же бросился приводить его в исполнение.

Он понял, что не боится. Во всяком случае, за себя. И сделать это рано или поздно пришлось бы. Так почему не сегодня?

Джио окружали полуразрушенные старые здания, оставшиеся от окраин утонувшего Анклава Марсель. С потрескавшимися фасадами, покосившиеся, кое-где с провалившейся крышей – они выглядели вековыми монстрами, пытающимися устоять под натиском новых построек, в большинстве своем кособоких, но нагло растущих, словно грибы после дождя. Только не было никакой разницы между старыми монстрами и новой архитектурной порослью – эпоха сменяла эпоху, новые поколения приходили на смену старым,

но искусственные пещеры людей, хотя и тянулись все выше, оставались искусственными пещерами.

Деревьев здесь почти не было. Негде им здесь появиться – все свободное пространство тут же закатывалось в бетон, на нём возводились новые магазины, рестораны, многоквартирные улы. Не до деревьев.

Не о том он думает. При чем здесь деревья? Нужно придумать, как пройти незамеченным в транспортный узел – на входе, маячившем впереди, установлены довольно мощные наноскопы. Если они и не распознают устройство спрятанного в кармане Джио «бютена», то странностью его вида вполне возбудят любопытство охраны. А если те, кто убил Лучано... и Беату... ищут именно этот гаджет, то охрана может быть в курсе.

Так как же тогда попасть внутрь? Если охрана знает о гаджете, то об особенностях его физиономии она знает и подавно. Или Джио уже сходит с ума, ожидая нападения из-за каждого поворота?

Но лучше не испытывать судьбу и не входить внутрь здания транспортного узла.

Джио активировал «балалайку» и отдал команду вывести на глазные наноэкраны расписание отбывающего из Марселя-нуво транспорта. Ближайшая «суперсобака» до Эль-Парижа уходит через три дня. Вот и хорошо, не будет соблазна воспользоваться скоростным транспортом, при посадке на который, наряду с джетами и стратами, контроль макси-

мально строгий.

Глаза быстро нашли то, что нужно. Возле транспортных узлов всех без исключения Анклавов найти такие лавки было не проблемой. Марсель-нуво исключением не являлся.

– Добрый день, – поздоровался он, войдя в темное помещение.

Над дверью висели колокольчики, звякнувшие, когда Джио открыл дверь. Человек, стоявший за прилавком, молча кивнул в ответ.

Лавка занимала длинное и узкое помещение, уходящее в глубь старого, постройки двадцатого, если не девятнадцатого столетия здания. Надо же – такая древность, а пережила и Нефтяные войны, и недавнюю Катастрофу. По обеим стенам развешаны всевозможные предметы, не все из которых на самом деле являлись законными. Но вопрос законности, судя по всему, хозяина лавки беспокоил мало. Скорее всего он вел этот бизнес давно и знал все возможности и подводные течения.

– Что вы хотите приобрести? – спросил продавец.

Джио окинул взглядом выставленный товар, сделал это скорее машинально. Он знал, что ему нужно.

– У вас есть нанонепроницаемый материал, имитирующий литой металл?

– Разумеется.

На лице продавца появилась снисходительная улыбка. Конечно, у него был такой безобидный товар, о котором спра-

шивал покупатель. Стоило ли открывать подобную лавку у транспортного узла, не имея в ассортименте даже самых простых вещей.

– Вот такой. – На прилавке появился рулон похожего на толстый полиэтилен материала и брусок, совершенно неотличимый от пластилина из детского набора. – Есть еще готовые контейнеры разных размеров. В том числе и снабженные программными замками. Вам какого рода груз требуется упаковать?

Рассказывать о грузе Джио не собирался. Не ровен час те, кто идет по следу, зайдут и сюда.

Если вообще за ним кто-нибудь идет.

– Я, пожалуй, возьму вот это, – ответил Джио, показав пальцем на брусок пластилина.

– Четыреста евродинов.

Цена запредельная. Даже за такой товар, как этот. Но есть ли смысл торговаться? В других лавках вряд ли будет намного дешевле, а светиться лишний раз не стоит. И продавец, съевший собаку в своем деле, это прекрасно понимает.

Джио перевел на указанный счет деньги и вышел на улицу. В лицо светило солнце и дул прохладный, пахнувший морем ветер.

За окном вдаль уходили дома. Много домов. Почти так же много, как и четыре года назад. Это был Цюрих, но Цюрих другой, изменившийся.

Чтобы сейчас наслаждаться видами города из окна заново отстроенного офиса СБА, пришлось немало потрудиться. Хотя смотреть тут, по большому счету, особенно не на что.

Ник Моратти резко задернул штору, вызвав недовольное урчание привода, спрятанного в карнизе. Дизайнеры не предполагали, что директор Службы Безопасности Анклавов снизойдет до собственноручного закрывания штор. И они, мать их, сильно ошиблись: Ник Моратти привык делать собственноручно всё и вся. Если не в прямом, то в переносном смысле.

– Как прошло? – спросил Ник, не оборачиваясь. Он думал, представлял, как все пройдет, и что он будет делать потом. Перспектива немного нервировала, но, несомненно, грела душу.

Теодор Бигглс, человек совершенно невзрачной внешности – невысокий, среднего телосложения со светлыми, но не соломенными, а какого-то серого оттенка волосами, водянистыми, не то голубоватыми, не то опять же серыми глазами, какой-то весь неказистый, несмотря на его дорогой костюм, – замер на секунду, не донеся до полуоткрытого рта взятое из

вазы на столе президента СБА яблоко, потом резко пожал плечами и с хрустом вонзил зубы в сочный плод. Ник ждал, Бигглса всегда приходилось ждать, такова уж его натура – он никогда не спешил. И при этом никогда не опаздывал.

– По плану, – шепелявя из-за того, что его рот был набит недожеванным яблоком, ответил Бигглс. – Точнее, согласно штатному расписанию, как там они это называют.

– Как реагируют?

Бигглс снова пожал плечами и сделал круглые глаза, словно испугавшись.

– Ворчат. Недовольны.

– Не важно.

– Я тоже так думаю.

Ник бросил гневный взгляд на Бигглса. Совершенно необязательно поддакивать.

Теодор Бигглс официально не значился в администрации президента Моратти. Он вообще в СБА не значился. Точнее, в базах данных не фигурировало его имя. А вот номер «балалайки»... всех его «балалаек» там имелся. Причем не обычная идентификационная метка, а служебная, зашитая в особой микросхеме.

Бигглса Ник нашел, можно сказать, на улице. Когда началась кампания по борьбе с тритонами – гнусным наследием баварского ублюдка Сорок Два, – Бигглс правильно понял намерения руководства и самостоятельно организовал «сбор урожая»: с легкой руки Тео в специальном здании

СБА, которое считалось вычислительным центром, появилось больше тритонов, чем при помощи любой из профессиональных команд безов. Бигглс был предприимчив, лоялен и, что немаловажно, умен. Он оказался настоящим самородком, а на ценности у Ника глаз был наметан.

– Все-таки здесь их слишком много, – пробормотал Ник, нависая над голограммой, крутившейся в самом центре длинного стола для совещаний.

Вообще-то дизайн нового офиса Моратти нравился. Больше, чем в предыдущем кабинете. Иногда стоит устроить всепланетный беспорядок, чтобы появился повод сменить декорации.

На голограмме медленно двигалось десятка три разноцветных светящихся точек, зависших над половинкой глобуса. Геоостационарные спутники. Корпоративные, аппараты государств и правительств. И орбитальная группировка «Науком», разумеется. Для наукомовских спутников отвели красный цвет, на голографической скульптуре, украшавшей стол президента СБА, он преобладал.

– Угу, – кивнул Бигглс и покосился на яблоки. Ник вздохнул и согласно кивнул.

Бигглс обладал всеми возможными достоинствами. Кроме нормального воспитания. Иногда его поведение просто бесило.

Тео потянулся, решив не подниматься из кресла, схватил румяный плод и с воодушевлением вонзил в него зубы.

– Вы, шеф, верно заметили – их действительно слишком много. Так и есть.

Именно этот довод Моратти привел верхолазам. Он собрал всех на «товарищеский» ужин. Любимого Ником «Эдельвейса» теперь не было, на его месте быстро рос новый отель, правда, Хилтон в этот раз к строительной площадке отношения не имел – места делились согласно «купленным билетам». Но на третьем этаже нового офиса СБА теперь имелся замечательный ресторан. Его тяжелая архитектура, взятая с лучших образцов ампира эпохи Гитлера и Сталина, производила гнетущее впечатление не хуже «Камелота». А может, и лучше.

Ник тогда привел расчеты, проведенные по подсказке Тео. Идея, конечно, принадлежала Моратти, но Бигглс, надо отдать ему должное, довел её до совершенства. Информация заинтересовала всех. Каждый желал оттяпать кусок от вкусного пирога. Каждый надеялся, что его кусок будет самым большим. Поэтому денег жалеть не стали.

А идея родилась из этой вот голограммы: над Северным полушарием, особенно в приполярных районах, плотность спутников корпорации «Науком» превышала все мыслимые пределы. Для обеспечения устойчивой связи и покрытия сетевым сигналом ста процентов территории в этой зоне хватило бы чуть больше трети имеющегося количества орбитальных ретрансляторов. Нетрудно сделать выводы – оставшиеся шестьдесят пять процентов космических аппаратов исполь-

зовались для чего-то еще.

– Там обязательно должен быть вход. Если он не там, то больше быть ему негде, – сказал Моратти.

Бигглс наконец-таки закончил с яблоками.

– Мы просчитали зоны покрытия этих спутников – вход должен быть там.

Тео словно уговаривал Моратти поверить в то, о чем тот сам давно догадался.

– Все данные указывают на Кольский полуостров, – добавил Бигглс.

– Все указывает на Станцию. Они должны иметь доступ туда. И Мертвый должен иметь возможность как-то связываться с этим, стоящим всем костью в горле, тринадцатым полигоном.

– Угу, – снова промычал Бигглс. – Не по проводам же они связь держат. Кроме этих спутников, другого варианта нет.

– Но они нам не верят.

– Они нам верят, – с успокаивающими интонациями в голосе ответил Теодор. – Они сами себе не верят. И жмутся, как обычно.

– Да, сейчас каждый евродин на счету. Работы, – Ник кивнул в сторону зашторенного окна, – еще невпоровот.

– Но если сорвать банк...

– Если сорвать банк, работы станет еще больше. Но от неё можно будет получать удовольствие.

Ник усмехнулся. Ему нравилось думать о вероятном при-

зе. Но он прекрасно умел отделять мечты от реальности.

Как бы то ни было, они согласились. Боссы «Раумфарта» будут продолжать сотрудничество столько, сколько нужно.

– Чем ты их взял?

Моратти знал, что Бигглс не любит раскрывать свои секреты. Не собирался он изменять своим принципам и на этот раз.

– У людей слишком много слабостей, чтобы не найти хотя бы одну у любого, – с улыбкой чеширского кота на лице ответил Тео. – А некоторые еще и умудряются слишком много трепаться о них в Сети.

Да уж, по вопросам знания людских слабостей Бигглсу равных не было. Пожалуй, тут он перешеголял даже самого Моратти.

Корпорация «Раумфарт» изготовила тот самый «особый груз», который доставил на орбиту один из спутников. Корпорации Цюриха разработали целое семейство орбитальных аппаратов, которые должны заняться вторжением в космическую сеть «Науком». Официально в документах Европейского Аэрокосмического агентства значилась геологоразведка и обеспечение нужд метеорологической службы Европейского Исламского Союза. Отчасти так оно и было – европейцы должны иметь свою выгоду в деле. Но и кусок пирога им тоже пришлось пообещать. Правда, на большой кусок они рассчитывать не могли и прекрасно это понимали: с технологиями даже столь развитого государства, как Исламский

Союз, тягаться с мощью «Науком» было бессмысленно.

Цюрих вполне мог бы обойтись и без помощи ESA. Если бы не одна небольшая проблема – у Анклава не было собственного космодрома. Да и доставкой орбитальных грузов ни одна из цюрихских корпораций не занималась. А начинать с нуля... Слишком долго: при таких сроках затея теряла смысл.

Когда Ник прочитал план, предложенный корпорациями, ему понравилось. Но Бигглс сказал, что план полное дерьмо. Именно так и выразился, вполне для него характерное выражение. Моратти хотел послать Тео куда подальше, но, быстро перебрав в голове все, связанное с Бигглсом, так и не вспомнил ни одного случая, когда бы тот ошибся. Что это было – гениальность, сверхъестественное чутьё или простое везение, – Ник не знал, но поводов не прислушаться к мнению Бигглса и в этот раз не видел.

Во всяком случае, Моратти выслушал его предложение. И ничего не понял. Кроме того, что Бигглс давно все продумал, причем продумал тщательно и имел на каждую возможную неудачу по три обходных пути.

Так вот, Бигглс имел пути воздействия на руководство корпорации «Раумфарт». И он ими воспользовался, заставив – переговоры, разумеется, Ник вел лично, но Бигглс на них присутствовал – заняться разработкой и производством того, что скоро достигнет спутников «Науком».

– Что наши машинисты? – поинтересовался Бигглс.

Моратти помедлил с ответом. Он на секунду задумался над этим «наши» в вопросе Теодора и над интонацией, с которой это слово было произнесено. Нет, никакой должности в СБА он не получит. Никогда. И все его «номера» Ник легко может удалить из особого списка в любой момент, когда только посчитает нужным. Но ухо с Тео нужно держать востро.

– Говорят, что готовы. Ждут не дождутся – для них это развлечение.

– Для них это работа.

– Но настоящие профессионалы всегда работают с удовольствием.

Красивая голубая вода весело билась о металлический борт. Яркие солнечные блики, словно перепрыгивающие с волны на волну золотые рыбки, создавали иллюзию, будто море по-летнему теплое и ласковое. Вот только Микмаку, которому только что позволили выбраться из воды на платформу, так не казалось. У него зуб на зуб не попадал, и уже давно он перестал ощущать пальцы рук и ног. Он не засекал, сколько провел под водой, но точно не меньше полутора часов. Хотелось съежиться, расположиться как-то так, чтобы ветер не трогал мокрое тело, а только солнце, уже почти вступившее в свои летние права, грело, грело и грело.

– Нашел что-нибудь? – спросил его Хармс.

Микмак хотел ответить, но челюсти свело судорогой, и он лишь помотал головой. Что там можно найти? В холоде, темноте и мути, поднятой со дна командой из пятнадцати водолазов.

Хармс выдернул из рук Микмака компьютер, упакованный в водонепроницаемый корпус. Микмак не собирался присваивать чужую машину, просто не мог разжать пальцы. Хармс недовольства не высказывал, он вообще не имел ничего личного к Микмаку и относился к происходящему как к обычной работе. А как ему еще надо было к этому относиться? Для него это и было обычной работой. Микмак его

понимал.

Когда они прибыли на точку, плавучая платформа уже стояла здесь. Довольно большой металлический квадрат, метров тридцати по ребру, с квадратным же отверстием в центре. Над отверстием установлены мощные лебедки и система блоков на выносных штангах. Эти люди собирались поднять со дна что-то достаточно крупное.

И они поднимали. Точнее, под присмотром нескольких вооруженных ныряльщиков работали водолазы Искандера. И сам Искандер. Оказалось, главный подводник был отправлен на дно, как только началась операция, и так ни разу и не показывался наверху. Правда, ему оставили гидрокостюм.

Палуба плавучей платформы уже была довольно плотно уставлена какими-то контейнерами, огромными, похожими на камни, образованиями, сплошь обросшими ракушками и предметами явно техногенного происхождения. Впрочем, техногенное тут было все, и техногенность эта вырисовывалась отчетливей, как только мощная струя брандспойта сбивала слой ила и прижившихся морских обитателей с очередной детали.

SSD-накопитель нашли довольно быстро. Нашел его Хармс. Гаджет немного пострадал от удара о скалы, но это не являлось большой проблемой – Микмак восстановил уже не один десяток таких же, – и Хармса трещина в черном корпусе твердотельного накопителя не расстроила.

Ничего нового из обретенной информации Микмак не

узнал, но Хармс вроде бы остался доволен полученными данными. И «солидный», имени которого Микмак так и не услышал, тоже лучился счастьем.

А потом его привезли сюда. Дали в руки непромокаемый комп, в зубы воткнули воняющий тухлятиной шланг, соединенный с тархтящим на палубе насосом, и велели искать те цистерны, которые «солидный» показывал Микмаку на фото. Собственно, сами цистерны их интересовали мало. Им нужен был программный код, якобы в них залитый. Для этого-то и выдали компьютер во всепогодном армейском корпусе.

Микмак ползал по дну, периодически меняя дислокацию – сам не распоряжался, просто сверху грубо дергали за шланг и тащили его, куда было нужно. Особо не посопротивляешься: не будешь ползти следом за шлангом, захлебнешься.

На дне оказалось много «бютена». Микмак даже не представлял, что его здесь настолько много. Но распознать обломки старого Анклава удалось не сразу – опыта не было и поначалу покрытые илом и густым слоем медленно колыхающихся водорослей детали неведомого агрегата казались обычными валунами. Приноровился Микмак быстро.

Несколько раз компьютер давал отклик на подключение – деталь оказывалась рабочей. Такие забирал кто-то из водолазов. Но меток, как в том накопителе, что притащил Искандер, нигде не было.

– Пойди погрейся, – предложил Хармс.

Микмак повертел головой. Погреться здесь негде – на плавающей платформе не было надстроек, ничего, где можно хотя бы укрыться от пронизывающего насквозь ветра.

– Это шутка? – стуча зубами, поинтересовался Микмак.

Хармс усмехнулся и показал мускулистой ручищей в сторону толкущихся возле поднятого «бютена» людей.

– У них там виски есть. Пойди хлебни немного.

– Не надо. Спасибо, – сквозь зубы процедил Микмак.

– Пойди, пойди. Нужна тебе эта гордость? Все равно через полчаса обратно в воду кинут. Так что иди, пока предлагаю. Эй, Митчелл, – крикнул он подельникам, – дайте парню пару глотков вашего пойла.

– Пусть идет, мы не жадные, – отозвался тот, кого Хармс назвал Митчеллом.

Микмак кое-как добрал до шумной компании, рассматривающей «бютен». У кого-то из них в руках был шланг, из которого била морская вода. Мощная струя ударила по ногам, но после пронизывающего ветра, окончательно заморозившего Микама, забортная вода показалась теплой.

Виски было дрянным, и тяжелым жгучим комком сползло по пищеводу вниз. Казалось, еще немного, и страшное пойло прожжет в пустом с утра желудке дыру. Но спустя еще минут пять по телу начало расползаться блаженное тепло, и Микмак с благодарностью снова принял предложенную бутылку, сделав несколько судорожных глотков. Много пить не стои-

ло – если его опять пошлют вниз, избыток алкоголя в крови вполне может и убить. Хотя особых надежд остаться живым к завершению этой истории Микмак не испытывал.

Не то под действием виски, не то из-за чрезмерной усталости на него накатило странное безразличие. Ко всему: к людям, что со взведенными автоматами наперевес курсировали вдоль внешней кромки платформы, к тем, кто сейчас в холоде и полумраке ползал по дну морскому; к собственной судьбе наконец. Ему было плевать, ни целей, ни вообще – мыслей. Он словно превратился в машину, готовую сорваться с палубы в воду в любую минуту, чтобы продолжить поиски какого-то мифического электронного мусора на глубине в несколько десятков метров. А способность самостоятельно выбирать маршрут передвижения по платформе и разговаривать – дана просто для более правильного функционирования системы. Робот – вот, кем ощущал себя Микмак. Когда робот закончит работу, его сдадут в утиль: для следующего задания эта модель вряд ли пригодится, а модернизация обойдется слишком дорого.

– С машинистами всегда нормальные ребята работают, – услышал Микмак, не сразу поняв, что говорят о нем.

– Держи, глотни еще, – перед глазами снова появилась бутыл со светло-коричневым содержимым.

Микмак принял сосуд и, приложившись губами, начал глотать. Горло уже привыкло, и пищевод перестало печь, будто в него залили раскаленный металл. Виски падало в

глубь организма легко и с удовольствием.

– Хватит, хватит!

Бутыль отобрали, потекло по губам, разошлось по еще влажной груди. Намокшая кожа мгновенно потеплела, Микмак торопливо растер остатки виски по телу.

– Присосался. – Это говорили про него. – Того и гляди упадет. Хармс! Забери своего подопечного, а то он тебе сейчас не в те места провода вставлять начнет.

Компания, продолжающая передавать бутылку по кругу, весело засмеялась. На лице Хармса улыбки не было. Ему не пришлось идти, Микмак самостоятельно вернулся к «опекуну».

Не меньше стакана крепчайшего виски на пустой желудок давало о себе знать – шатало ощутимо. Или это волны качают платформу? Хотя волны были и раньше, а качка явно усилилась.

Откуда-то справа послышался крик. Даже не крик, а душераздирающий вой. Будто с кого-то живьем сдирали кожу. Микмак повернулся на шум – никаких эмоций, заложенная в живого робота программа требовала узнать, что происходит, чтобы иметь возможность правильно реагировать на входящие импульсы.

Около самого борта платформы барахтался один из подводников Искандера. На нём не было гидрокостюма, и, судя по синюшности рук и землистому цвету лица, в воде он провел изрядное количество времени. Его глаза – настолько

широко открытые, что, казалось, вот-вот вывалятся из глазниц – метались из стороны в сторону, и даже, несмотря на брызги, было ясно, что по щекам ручьем текут слезы. Он кричал от боли, раздирающей его изнутри, выламывающей все суставы и перекусывающей позвоночник.

Микмак никогда прежде не видел такого, но догадался, что происходит – декомпрессионная болезнь, кессонка. Нет, его лицо и грудь серые не от холода, это газовая эмболия – он попросту задыхается, скоро землистый оттенок сменится на отчетливый фиолетовый. На плече орущего подводника вдруг, как по мановению волшебной палочки, расплылся огромный синяк, надулся, пополз по руке вниз. Наверняка внутри у него кровь кипит, как вода, вылитая на раскаленную сковороду. Сосуды лопаются, заливая внутренности густой, пузырящейся кровью. «Не жилец», – автоматически отметилась в голове Микмака. Как, впрочем, и положено, роботы именно так и думают.

– Да, заткните же его кто-нибудь! – Раздался голос откуда-то из-за спины Микмака.

Он не стал смотреть, кто крикнул. Какая разница?

Ошалевшая от неожиданности происходящего охрана, курсирующая вдоль борта, вскинула автоматы. Две или три очереди прочертили воду. Крик оборвался резко, обреченный подводник, судорожно булькнув, почти мгновенно скрылся в волнах. Только небольшое темное облачко отмечало место его всплытия.

Микмак почувствовал, что кто-то похлопывает его по плечу. Он обернулся. Это был Хармс. Жалеет его? Странно, чего его жалеть? Или увидел в Микмаке собрата? А, может быть, просто – человека?

Через минуту еще один водолаз появился в волнах и так же истошно завопил. Теперь охрана не медлила – живые роботы отслужили свое, восстановлению они больше не подлежали. В следующего всплывшего подводника стрелять не пришлось: он был уже мертв.

Хармс дернул глазами, посмотрев на часы. Микмак не смог определить выражение его лица – озабоченное, сочувствующее или совершенно безразличное.

– Пора, – сказал Хармс, кивком показав на воду и выдал ему армейский комп. – Скоро стемнеет.

Понятно, значит нужно снова лезть в холодную воду. Они куда-то спешат. Интересно, куда? Как будто кто-то сейчас прискачет и предъявит права на тот «бютен», который банда «солидного» подняла сегодня со дна.

Микмак подобрал валяющийся у самого борта шланг с загубником, схватил загубник зубами и, не раздумывая, прыгнул в воду.

Ожидаемого озноба не случилось. Видимо, виски отшибло чувствительность напрочь. И моральную – тоже; Микмак понял, что никаких чувств мучения и гибель водолазов в нём не вызвали.

Теперь тухлятина в воздухе, которым Микмак дышал, не

ощущалась. Он чувствовал только густой перегар, которым наполняли воздух в шланге его легкие.

Тяжелый, увешанный свинцовыми слитками пояс стремительно тащил его на дно. Уши закладывало, Микмак не успевал продуваться, да и не особенно тщательно старался это делать. Какого-то значительного дискомфорта бульканье в ушах не добавляло. Дискомфорта и так было хоть отбавляй.

Микмак, подгребая руками, перевернулся головой вниз. Он всматривался в мутный полумрак, маячивший прямо под ним. В этой зоне никого не было, несколько шлангов тянулись вниз справа, метрах в пятидесяти. А может, и ближе – под водой расстояние оценить сложно.

Мутное марево вздыбливалось холмами и уходило вниз темными, черно-зелеными впадинами. Микмак попытался представить, что под ним улицы красивого некогда Анклава Марсель, и не смог. Не могли быть эти безмолвные, обросшие медленно колышущимися щупальцами водорослей холмы тем самым солнечным Анклавом. Теми улицами, по которым Микмак гулял однажды. А вот пражским районом Йозефов, после того, как по нему прокатился взвод внутренних войск Баварского Султаната, это вполне могло быть.

Беглый осмотр полумрака, царившего внутри синагоги, ничего не дал – кроме четырех мертвых тел на полу, здесь никого не было. Потом «балалайка» переключила наноэкраны в режим тепловизора, но и здесь...

Микмак не видел никого, кроме бойцов своего взвода, появлявшихся из-за спины то справа, то слева. И еще несколько ярких, как будто огненных хвостов, прочертивших темноту.

Он тщетно пытался поймать цель, целеуказатель перед глазами метался, как заведенный, ствол его автомата описывал дугу за дугой, но палец по-прежнему лежал на спусковом крючке, не решаясь надавить на него – стрелять здесь было решительно не во что. То есть – не в кого.

Тогда, черт вас раздери, почему бойцы падают один за другим?!

Где туристы? Где эти чертовы туристы?!

Похоже, Микмак орал во все горло. Было страшно, очень страшно – темнота вдруг озарялась вспышками, и следом за ними, коротко вскрикнув, падал кто-нибудь из бойцов. Уцелевшие бойцы метались, будто все разом потеряли ориентиры. Словно их забросило из небольшого старого здания сиναгоги в какое-то безграничное пространство, хитро искривленное неведомыми богами.

В ушах орал голос лейтенанта: «Отходим, всем покинуть здание!» Микмак тоже метался, сам не понимая, что ищет: выход из этого дьявольского места или террористов, которых никак не могут засечь ни глаза, ни «балалайка» с её набором дополняющих зрение средств визуализации. Но ничего не находилось; то и дело мельтешили горящие свечи, которые отчего-то не гасли на весьма ощутимом сквозняке, то

и дело кто-то вскрикивал и падал, но проем двери – он должен ярко сверкать полуденным солнцем среди этого мистического полумрака – будто исчез, переместился в мифический параллельный мир.

Микмак в очередной раз резко повернулся, ведя перед собой по дуге ствол автомата, и уткнулся во что-то мягкое. Палец конвульсивно дернулся, ствол изрыгнул сноп пламени. Но целеуказатель так и не поймал цель – Микмак не сразу сообразил почему. Но если какие-то высшие силы и существуют, они отвели на этот раз руку бойца: Микмак уперся стволом в лейтенанта, «балалайка» распознала своего и увела целеуказатель в сторону. Наверное, он рефлекторно дернулся за нарисованным на глазных наноэкранах перекрестьем, иначе от лейтенанта осталось бы лишь кровавое решето.

– На улицу, быстро, пошел! – заорал лейтенант. Его голос одновременно звенел внутри головы и бил по барабанным перепонкам, перекрывая общий шум и гвалт.

Его слышно слишком хорошо, не находишь? Это потому, что нет никакого шума – ты здесь один.

Командир взвода толкнул Микмака, чтобы тот двигался живей. Но боец споткнулся и упал навзничь. В полумраке снова сверкнуло, и лейтенант исчез. Совсем исчез, его застрелили. Внутри воцарилась гулкая тягучая тишина. Микмак попытался подняться и понял, что застрял между нагромождениями рухнувших при взрыве балок. В ушах шумело, ноздри жгло концентрированным пороховым дымом. «Бала-

лайка» молчала — из их взвода в живых остался только он...

Микмак грёб к трем холмам, отчетливо торчащим над остальными неровностями морского дна. Того самого, что было не так давно улицами Марселя.

Три довольно крупных цистерны, стоящих на бетоне перед полосой каких-то кустов. Понятно, от кустов теперь ничего не осталось. Пришлись сухопутные растения по вкусу подводным обитателям или нет — вопрос, но это особо не занимало Микмака. Он плыл к тем холмам.

Внезапно в памяти всплыла и вторая фотография из показанных «солидным». Четверка жизнерадостных мужиков перед раскуроченной техникой. Нет, техника была не раскурочена, её еще не успели собрать. Надо думать, то, что сейчас спешным порядком пакуют в контейнеры на палубе плавучей платформы, и есть та самая техника. Конструктор «Сделай сам». А Микмак ищет руководство по сборке? Скорее всего. Но при чем тут три покрытые какой-то плиткой и разукрашенные красными полосками цистерны? Или это вовсе не цистерны?

И все же воспоминания Микмака вновь и вновь возвращались к фотографии с улыбающейся четверкой. Что-то в ней показалось Микмаку знакомым, что-то привлекло внимание. Но что?

Хотя какая теперь-то разница?

Одно из размытых пятен на фоне, кто-то проходивший мимо, когда четверка решила запечатлеть себя на память

вместе с собираемой ими установкой.

Микмак плавно опустился на верхушку одного из холмов. Верхушка покатаая, удержаться на ней довольно трудно. Но на тех цистернах вроде бы торчали какие-то наверхия.

Обдирая руки о ракушки, Микмак соскреб морские наросты с верхней окантовки. В здешнем полумраке цвета различить сложно, но вроде бы красный.

Хармс говорил, что подключать комп нужно где-то внизу. Где-то у этих цистерн есть дверца, а за дверцей... прямо нарисованный камин папы Карло. Там должен быть коннектор для внешнего подключения.

С нижней частью цистерны оказалось сложнее – дно цилиндра основательно утонуло в сильно заросшем водорослями и ракушками гравии. Скорее всего раньше это было той самой бетонной площадкой. Странно, что цистерны не опрокинулись.

Но кто ищет, тот всегда найдет. Нашел и Микмак, неоднократно задававший себе вопрос, на кой чёрт он все это делает – нашел цистерны, а дальше не его забота. Конец все равно известен.

Он все-таки подключил к цистерне комп. Где-то в её электронных потрохах все еще хранился код, который резво, без каких бы то ни было сопротивлений, сгружался на диск.

Тащили наверх его быстро. Слишком быстро. Микмак сопротивлялся, как мог, а перед глазами стояло серо-фиолетовое лицо погибшего подводника. Метров за двадцать до

поверхности Микмак выплюнул загубник, и выпускающий хвост юрких пузырей шланг, извиваясь змеей, улетел к поверхности. Теперь главное – не спешить, потому что колени уже ломит, а по спине то и дело проскальзывает нестерпимый зуд, который совсем скоро станет сильной, выламывающей болью.

В лицо ударил уже знакомый обжигающе холодный ветер, и Микмак заорал, что было сил: нужно выгнать из крови азот, сколько удастся. Только пулю бы не получить раньше времени – люди на платформе не любят шум. Микмак набрал в легкие побольше воздуха и нырнул, опустившись метров на пять. О каком таком времени он рассуждает? Десять минут, полчаса, час? Какое время теперь имеет значение?

Чья-то сильная рука подхватила Микмака и вытянула на мокрый металл палубы. Хармс, это был именно он. Огромный, с бугрящимися под измятой и мокрой рубашкой мышцами машинист протянул руку, ожидая, когда Микмак вернет компьютер.

Микмак кивнул и передал непромокаемый гаджет. Виски на самом деле помогло – ветер теперь не казался столь холодным, да и от купания он испытал почти удовольствие. Но в голове от прохладной воды прояснилось.

Микмак показал Хармсу снимок – он сфотографировал немощной камерой компьютера три подводных холма. С «балалайки» снимок получился бы куда лучше, но индивидуального чипа Микмак лишился еще в офисе.

Код Хармс нашел самостоятельно. Быстро пролистал его, что-то проверил какими-то своими программами и произнес, казалось, прямо в воздух:

– Мы нашли.

Он говорил с кем-то через «балалайку».

– Хорошо. Только...

Хармс замолк на несколько секунд. На его лице в это время застыло неприятное, брезгливое выражение. Ему явно не нравилось то, что говорил невидимый и неслышимый для Микмака собеседник.

А Хармс оказался нормальным парнем.

– Хорошо, – уже без прежнего энтузиазма и, не меняя выражения лица, повторил машинист.

Понятно, о чем шел разговор. Хармс пытался выгородить Микмака. Не получилось – оставлять свидетелей начальство машиниста не собиралось. Что ж – Микмак их не осуждал. Сам поступил бы так же. Наверное.

Когда все три цистерны подняли лебедками на платформу, тем, кто еще оставался под водой, просто перерезали шланги – подняться с такой глубины без воздуха нереально. Остальным, включая Микмака, крепко стянули пластиковым шнуром руки за спиной, к ногам прикрепили железки поувесистей из тех, которые сочли ненужными, и бросили за борт.

Микмак, медленно набирая скорость, планировал в сторону дна. Предзакатное солнце, пляшущее по водной по-

верхности ярким слепящим пятном, окрашивало морскую воду в багровые тона. Казалось, что в море вылили цистерну крови, которая неспешно растекается по округе.

Вокруг Микмака, словно падшие ангелы с неба, опустились на дно остальные. Кто-то дергался, тщетно пытаясь освободиться, кто-то, подобно самому Микмаку смотрел вверх, спокойно ожидая последнего часа.

До дна было еще далеко, когда в крови начал заканчиваться кислород. Вдохнуть хотелось очень сильно, но Микмак за чем-то терпел из последних сил, до рези в груди, до темных пятен перед глазами. И еще очень хотелось потереть лоб – руки связаны за спиной, иначе он, наверное, разодрал бы кожу на голове до крови. Идиотская привычка, она появилась после Праги. «Мозголом» сказал, что это последствие пережитого стресса. Оно и сейчас: стресс, сильнее не придумаешь, апофеоз стресса, так сказать. Вот и обострилось.

Странно, кислород в крови явно подходил к концу, а сознание никак не хотело покидать Микмака. Грудная клетка конвульсивно дернулась, втянув внутрь холодную соленую воду.

Он посмотрел вниз – дно словно покрыла холодная бездушная тьма. Скоро он окажется там.

Мельтешение цифр перед глазами сильно мешало. Несколько раз Лёшка даже машинально попытался отмахнуться от них рукой, словно от назойливых мух. Но цифры, конечно же, никуда не исчезли – молитва продолжалась. Сейчас, сейчас, он найдет этого любителя пошутить. Учитывая ситуацию, в которую попал Лёшка, шутка не казалось смешной – означенная на мониторе сумма вполне могла бы решить проблему с бабушкиной болезнью.

«Привет», – написал Лёшка, продолжая набирать команды для программы. Небольшой скрипт – если то, что ему удалось выжать из продолжавшего маячить на экране сообщения соответствовало действительности, его программа должна сработать.

«Мне нужен ответ».

Вот, значит, как. Сегодня неведомый собеседник здороваться не пожелал. А как же приличия? А вот и ответ.

Палец утопил клавишу «enter», запустив червя, и Лёшка резко поднял голову, надеясь, если не получится затея со скриптом, хотя бы заметить реакцию ломщика на ответное вторжение.

Не получилось. Ни первое, ни второе. Никто не вздрогнул. Скрипт открыл доступ к одному из членов Обители Цифры, безмятежно рассматривающему какую-то совер-

шеннейшую пургу на взломанном сервере. Вон та светловолосая девушка, она явно понятия не имеет ни о каких деньгах. Даже не заметила, что её комп взломали.

Рука дернулась в непроизвольном жесте, пальцы погладили полированный металл медальона. Какие только олухи не собирались здесь, в Обители. Не способны даже заметить взлом, не то, чтобы его предотвратить.

Нет уж. Так просто ты не отделаешься. Лёшка открыл окно с кодом и стремительным бегом пальцев по клавишам начал менять свою программу.

Но в глубине, где-то в темных, закрытых для всех и каждого уголках его сознания копошились странные мысли. Странными он счел их только при первом знакомстве – а на кой черт он это делает? Зачем пытается вычислить ломщика? Предложили деньги, варианта два – соглашайся или отказывайся. Пытаешься узнать, кто дает заказ, варианта опять же два – теряешь деньги или... можешь и с жизнью расстаться.

Ты же всегда был против взломов.

Но ведь это не взлом, это соревнование. Кто кого, битва умов, война разумов...

Очередная попытка. На экране, быстро ветвясь, открылась структура всей сети Обители. А Лёшка считал, что сеть защищена более чем надежно. Зря так думал? Нет, в это верить не хотелось. Хотелось испытывать уверенность в собственной непревзойденности.

Вот этот компьютер, этот, еще один... Нет, они не подходят. Искомое IP вообще нет в системе. Но не мог же неведомый ломщик попасть сюда извне – сеть Обители Цифры не подключена к общей Сети. Если только...

Был один путь, который немного смущал. Вызывал сомнения. Ломать подобную программную защиту Лешке еще не приходилось, но алгоритм её вполне понятен. Молодой человек подключился к общей сети с помощью «балалайки», чтобы найти там необходимые для взлома найденного им алгоритма программы.

Ну, ты понял, как он сюда попадает?

То, что он собирался ломать – да нет, оно уже вроде бы сломалось, – было не чем иным, как чьей-то «балалайкой». Подключенной к сети. Кто-то, нарушив все правила Обители, не отключил свой чип после начала молитвы. Собственно, нарушил запрет и сам Лёшка, но...

– ...тёмным, сбитым с истинного пути разума лживыми учениями Традиций, Цифра может показаться опасной. Но Цифра – это не враг. И не друг. Цифра есть инструмент, ключ, открывающий просвещенному человеку путь в новый, прекрасный мир. Мир познаваем. Цифра приблизит время, когда... – Коннектор, захлебываясь собственным энтузиазмом, продолжал вещать строки из «Чисел праведности».

Но Лёшка уже не слышал его слов. Точнее, слышал, но не слушал. Слова Коннектора эхом гудели в его ушах, вторя тому, что он воспринимал из собственной «балалайки» – чип,

защиту которого только что вскрыл Лёшка, принадлежал создателю Обители Цифры. И «Числа праведности» Коннектор наизусть не знал, он говорил то, что приходило на его «балалайку» откуда-то из сети. Чей-то голос тихонько бормотал для Коннектора слова, которые тот с пафосом, с надрывом повторял для собравшихся адептов учения Цифры. Для людей, почитающих святым человечка, отважившегося взвалить себе на спину непосильный груз великого ничто, пойманного математиками древности в цифре ноль. А ведь Коннектор не только читал книгу Поэтессы, он ведь и «от себя» вёл проповедь.

Почему-то последняя мысль показалась Лёшке крамольной, и он тут же отбросил её. В конце концов, ломал он не для того, чтобы узнать, что творится в «балалайке» Коннектора. Он искал путь к тому, кто взломал его компьютер.

«Неплохо, – получил Лёшка похвалу от невидимого соперника. – Но ответа так и нет».

Да, этого монстра ему не переиграть. Лёшка смотрел на бегущие по глазным наноэкранам нули и единицы, а его губы сами собой начали повторять слова, вслед сказанному Коннектором:

– Мир поднимется с колен. Цифра воспрянет, она поведет мир за собой. И скоро придет время сделать первый шаг. Скоро всем нам предстоит осуществить выбор, и вы должны сделать его правильно. Нельзя ошибиться, сегодня страна смотрит на нас, мир смотрит...

Лёшка легонько тряхнул головой, возвращаясь к реальности. Напор, с которым Коннектор говорил, заставлял непроизвольно прислушиваться к словам. Или это так действовала пляска двоичного кода перед глазами?

Вот программа, которая управляет этим цифровым вихрем. Она, кстати, работает с «балалайки» Коннектора. Если её немного подправить, чтобы не так мешала...

Кто-то таинственный, тот самый тип, что обитал в неизведанных глубинах Лёшкиного сознания, не переставал напоминать, что цель вроде как имел другую. Взлом коннекторской «балалайки» не планировался – ни сейчас, ни вообще. Но что-то не давало Лёшке покоя. Что-то в этой самой «балалайке» было не так.

«Ты все ещё не понял?»

Похоже, терпения этому заказчику не занимать. И на кой ему сдался именно Лёшка? И что, скажите на милость, он должен понять?

«Только ведь ты всё уже понял. Правда, пока еще до конца не поверил».

А разве могло быть иначе?

На душе сделалось гадко, к горлу мгновенно подкатило, и Лёшка решил, что его сейчас вырвет. Однако не вырвало. Даже не затошнило. Ерунда, чувствительный какой нашелся! Просто он никогда не задумывался об этом, но если подумать... А для чего еще нужен весь этот цирк? Скоро выборы Президента, в Сети будут задействованы большие мощ-

ности. А они здесь постоянно что-то ломают...

«Я подумаю», – бросил ответ *тому* ломщику Лёшка, и отключился от сети. Вообще отключился. И от локальной – тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.